

Глава III. Держание на обычном праве: копигольд. Правовые аспекты.

Часть 1. Что такое копигольд

Для историка-аграрника термин “копигольд” является настолько привычно-необходимым и отчетливо являющим свою содержательную сторону, заключенную в самом этом термине, что подобного восприятия он подчас ожидает и от других людей, которые вовсе не обязаны улавливать милые его сердцу оттенки этого слова. И в самом деле, реальное содержание (то есть своего рода “социальный наполнитель”) этого понятия настолько сложно и многообразно, что порождает порой не вполне четкие его интерпретации, особенно в восприятии тех, кто, как исследователь, лишь косвенным образом связан с историей английского манора.

Так что же такое копигольд? Классическое определение этого понятия заимствовано как отечественной, так и зарубежной историографической традициями у знатоков английского земельного права.

В конце XV в. знаменитый английский правовед Томас Литтлтон в своем трактате “Держания” писал о том, что представляет собой “держатель по копии манориального суда” (“tenant by copy of court roll”). Согласно Литтлтону, таким держателем мог считаться тот, “кто имеет земли и держания и держит их для себя и своих наследников на правах простого, ограниченного или пожизненного фьефа *на воле лорда и по обычаю манора...*”¹. Итак, согласно Литтлтону, отличительными чертами копигольда являлась его зависимость, с одной стороны, от воли лорда, с другой – от обычая манора.

¹ From Sir Thomas Littleton. Tenores Novelli, sine loco, 1481: “... to have lands and tenements to hold to them and their heirs in fee simple or fee tail or for term of life etc. at the will of the lord according to the custom of the manor” // Kerridge E. Agrarian Problems in the XVI century and after. Sources. L – N/Y, 1969. P. 138.

Другой известный английский юрист, сэр Эдуард Кок, комментируя “Держания” Литтлтона, писал о том, что отличительной чертой копигольда является то обстоятельство, что он закреплен за крестьянином на основании копии манориального суда (“by copy of court roll”)².

Итак, копигольд – это держание на воле лорда и по обычаю манора, закрепленное за крестьянином на основании копии манориального суда.

Когда же появляется копигольд? С какими явлениями в социальной действительности Англии связано его “начало”? “Искать начало копигольда – значит искать начало манориального обычая”, - писал в свое время А.Н. Савин³. Но он же справедливо считал, что основной чертой обычая, показателем юридической чистоты этого феномена социальной действительности Англии, является его незапамятность. Следовательно, вопрос о “начале” обычного держания (копигольда) есть вопрос о том, когда манориальный обычай перестает быть уделом памяти (то есть когда забываются истоки и история его возникновения), на этой основе - закрепляется и приобретает столько силы, что можно об обычных держателях говорить как об определенном классе и о копигольде как об особом виде землевладения⁴. Это время, как принято считать в отечественной историографии⁵, совпадает приблизительно с XIII – XIV вв., с временем коммутации барщины и началом трансформации вилланства в сторону копигольда. Именно в этот период в связи с увеличением роли денежной ренты в хозяйстве манориальных лордов усиливается и экономическая самостоятельность крестьянско-парцеллярного хозяйства. Таким образом, копигольд генетически связан с вилланским держанием, он происходит, по мнению А.Н.Савина, специально занимавшегося проблемой

² Coke Ed. The First Part of the Institutes of the Laws of England or a Commentarie upon Littleton. L., 1628. Book 1, Ch.9, Section 73.

³ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. 124.

⁴ Там же.

⁵ См., например: Барг М.А. Категории и методы исторической науки, М., 1984. С. 278. Винокурова М.В. Соотношения обычного и общего права в поземельных отношениях предреволюционной Англии // Право в средневековом мире. М., ИВИ РАН, 1996. С. 145 – 146.

эволюции вилланства в обычное держание, “из низкого, но древнего дома”. Термин “копигольд”, в сущности, (и в этом был прав еще один английский правовед XVI в., А. Фицгерберт) представляет собой “новое имя для очень старой вещи”⁶. Ниже мы еще будем говорить о связи вилланского держания и состояния с копигольдом, а пока сосредоточимся на роли манориального обычая в жизни английского крестьянства.

Исследование указанной проблемы представляется очень важным, и вот почему. Без изучения влияния обычая на внутреннюю жизнь манора, включая, с одной стороны, взаимоотношения между держателями и лендлордами, с другой – между членами крестьянского мира, сама эта жизнь предстает статичной, лишенной внутреннего динамизма (а подчас – и драматизма), живого нерва человеческих отношений.

Между тем до недавнего времени в отечественной историографии советского периода дело обстоит именно так: после работ А.Н. Савина по истории английского крестьянства эпохи Тюдоров, на протяжении 20 – 80 гг. XX столетия эволюция английского манора исследовательски была представлена лишь с точки зрения раскрытия ее социально-экономического содержания, то есть на основе анализа преимущественно таких проблем, как рентные отношения, дифференциация крестьянства, сроки держаний, зависимость изменений структуры вотчины (манора) от эволюции форм феодальной ренты и т.д. А ведь сеньории и держательские земли, службы и ренты еще не составляли всего манора, хотя и являлись его экономическим фундаментом. Существовала, как уже указывалось, не менее важная грань внутриместной истории – манориальный обычай, являвшийся, с одной стороны, материальным правом обычного держания, а с другой – душой и жизнью манориального мира, его внутренним нравственным законом, средоточием памяти целых поколений, этическим регулятором средневековой деревенской общности, ее цементирующим началом.

⁶ Савин А.Н. Указ соч. С. 103.

Эта сторона манориальной истории, так сильно повлиявшая на ее эволюцию, исследована в современной отечественной историографии далеко недостаточно. Причина этого явления, с одной стороны, состоит в том, что историки-аграрники советского периода работали преимущественно в русле парадигмы, связанной с приматом “материалистического детерминизма”, с другой – объясняется отсутствием у нас массовых материалов, важных для изучения этой стороны дела на основе как можно большего числа средневековых поместий различных регионов Англии. В данном случае имеются в виду прежде всего такие источники, как протоколы манориальных курий (manorial court rolls), которые содержат сведения о тех сторонах жизни членов крестьянского мира, которые как раз и регулировались обычаем, составляя средневековую “внутриманориальную” повседневность.

Регулирующая и направляющая роль манориального обычая действительно проявлялась повсюду, обеспечивая определенные, повседневно закрепляемые традицией нормы прежде всего 1. в области экономической, “материальной” жизни крестьянства, 2. в праве наследования, 3. в области внутриманориальной юрисдикции (обеспечение судебной защиты в тяжбах с лордом и межкрестьянских тяжбах, проступки и наказания в маноре), 4. в сфере регулирования имущественных прав женщин, включая сферу действия “вдовьего права”, 5. в соблюдении поведенческих норм.

Часть 2. Манориальная курия, администрация манора

“Хранительницей и толковательницей” обычая (выражение А.Н.Савина) была манориальная курия; вокруг нее вращалась вся жизнь крестьянина – копигольдера. Именно в курии хранились заветные ящики с манориальными архивами, описями земель, списками рент, договорами лендлорда с держателями, протоколами, выписками из судебных заседаний, экстендами Книги Страшного Суда и т.д. Для работы курии выделяли специальное помещение. Иногда в этом качестве могли использовать часть комнат в

резиденции лорда (manor-house), но чаще под курию отводился специальный просторный флигель рядом с ней, как это было, например, в Вилтоне – центре поместий графов Пемброков в Уилтшире. Курии, судя по источникам манориальной истории, могли быть как “центральными”, так и “локальными”. То есть иногда на одно поместье, состоящее из ряда маноров (как правило, исчисляемого десятками), приходилась одна-единственная курия, расположенная в центре поместного комплекса. Бывало и так, что курии имелись в нескольких манорах одного и того же комплекса, принадлежавшего единому владельцу – и тогда документация из этих местных, локальных, административных центров стекалась в главную курию, и в этом случае находившуюся в центральном маноре (чаще всего маноре городского типа), где проживал владелец данного комплекса.

Разумеется, что с точки зрения местного права главным действующим лицом в курии был лорд манора. Однако в повседневной жизни поместья он “выражал свою волю” через посредство манориальной администрации, в число членов которой входили, как указывалось выше, в разделе, посвященном характеристике источников, прежде всего стюард (управляющий) и бейлиф (приказчик в маноре).

В нашем распоряжении имеются интересные материалы, до сих пор совершенно не использовавшиеся отечественными историками, на основании которых мы могли бы рассмотреть должностные обязанности тех, кто руководил повседневной жизнью манора. Речь идет о так называемых “предписаниях” членам манориальной курии и работникам в маноре, своего рода “практических руководствах”, которые содержатся в сочинении “Об обязанностях в маноре”, принадлежащем перу Флеты – анонимного комментатора Генри Брактона (XIII в.)⁷. На Флету и Брактона, великолепных знатоков норм внутренней жизни английского манора, постоянно ссылаются в своих трактатах известные правоведы XV – XVI вв. Томас Литтлтон и

⁷ Fleta. Of the Offices (In the Manor) // Fleta. Vol. 2: Book 1, Book 2. Ed. and tr. by H.G. Richardson, G.O. Sayles. L., 1955.

Эдуард Кок, совершенно резонно склонные во многом принимать эти нормы и для своего времени именно ввиду их традиционности, фиксируемой манориальным правом. Многие из того, о чем пишет Флета в своем сочинении и что сейчас будет изложено ниже, фиксируют также и наши манориальные описи XVI – XVII вв. по Уилтширу и Ланкаширу.

Итак, что же можно узнать из столь редкого источника, каковым является сочинение Флеты?

Первое из “предписаний”, содержащееся во второй книге (часть 72) указанного источника, относится к обязанностям *стюарда*. Флета советует лорду манора “взять к себе на службу осторожного, неболтливого (*discreet*) и преданного человека; благоразумного, с хорошими манерами, покорного (*humble*), скромного и миролюбивого, искушенного в знании законов и обычаев страны; того, кто во всем стремится защищать права лорда, имеет достаточно знаний для того, чтобы направлять по правильному пути приказчика в его заблуждениях и ошибках, кто явит милость нуждающимся и никогда не свернет (даже если ему будут сулить взятку) с пути справедливости...”⁸. Именно стюард, согласно “практическому руководству” Флеты, должен проводить заседания манориальной курии, представляя, по обычаю, в реализации этой части своих должностных обязанностей лорда манора. При этом никого не должно было интересовать состояние стюарда, проводящего заседание курии, основательность его полномочий и т.д. Он, как писал в свое время А.Н. Савин, ссылаясь на Э. Кока, мог быть “хоть идиотом, хоть отлученным, лишенным всех прав состояния (*outlaw*)” – его личная годность была безразлична для совершаемого им судебного действия⁹, в основе которого лежал манориальный обычай, орудиями которого в значительной степени являлись и лорд, и стюард. Заседания курии, согласно рекомендациям Флеты, должны проводиться не реже двух – трех раз в год, а желательно – гораздо чаще. На этих заседаниях именно

⁸ Op.cit. P. 241.

⁹ Савин А.Н. Указ соч. С. 85.

стюард должен призывать к тому, чтобы регулярно и в срок с держателями поступали повинности, службы, ренты, доходы с местных рынков и мельниц. Он должен также следить за отчуждением (alienation) земель, лесов, лугов, пастбищ – по какой причине они отчуждаются, в какое время, и с чем было связано решение бейлифа о необходимости такого действия. Заметим к слову, что сервильный характер держаний по обычаю сказывался в значительной степени в порядке отчуждения: в каком бы случае оно ни происходило (при законном наследовании участка после смерти держателя; после формального истечения срока копии и необходимости передать землю другому лицу либо возобновить держание на свое имя; в случае желания лорда прервать держание насильственно с целью передать его другому человеку на более выгодных для себя условиях) – копигольдер (в случае смерти – его родственники) непременно был обязан зафиксировать факт отчуждения в курии и “провести” держание через лорда как верховного собственника земли. Влияние же обычая в этой процедуре “сдачи” держания в манориальной курии сказывалось в том, что лорд, как правило, был обязан допустить к этой земле именно то лицо, на которое укажет держатель. Разумеется, что в практической жизни манора это последнее правило далеко не всегда соблюдалось, особенно, как уже указывалось выше, в эпоху аграрной революции, когда лендлорды совершенно произвольно выбирали держателей, имевших возможность заплатить им наиболее высокий вступительный взнос, и насильственно заменяли ими традиционных.

Интересными являются советы Флеты, адресованные стюарду, о том, как лучше сохранить господское добро. Именно управляющий, как считает Флета, должен назначать лиц, которые бы следили за тем, чтобы были заперты все амбары и склады, принадлежащие лорду, ибо “есть поговорка, что легкий доступ к чужому добру превращает человеческую слабость в греховную страсть, а крепкие замки делают слуг честными...”¹⁰. Кроме того, стюарду вместе с приказчиком не мешает, готовясь к посевной, лишний раз

¹⁰ Fleta, Op. cit. P. 242.

уточнить по записям в книгах (а еще лучше – вновь измерить “до перча”) количество акров пахоты, приходящееся на каждый манор, и строго отмерить нужное для посева количество зерна, “дабы исключить коварство хитрых старост (deceitful reeves), которые нередко завышают число акров и кварталов семян”. Стюард должен также знать точно, сколько акров земельной площади следует засеять озимыми, яровыми и оставлять под паром при трехпольной и двухпольной системах севооборота, и на основании этого – уметь определять нужное количество плугов. Он должен также иметь точную информацию о днях полевых работ каждого из крестьян и следить за неукоснительным их выполнением.

В обязанности управляющего входит также отправление своего рода полицейских функций в маноре. Так, например, он должен следить за поведением приказчика и его помощников, “дабы они не наносили ущерба лорду, не были бы вовлечены во всякого рода сомнительные предприятия, как-то: драки, скандалы, состязания в борьбе (wresting – matches), и чтобы никто из них не пренебрегал своими обязанностями, не ходил бы по вечерам в таверны и кабаки. А если окажется, что ими нанесен какой-либо ущерб лорду, то именно стюарду надлежит потребовать соответствующую компенсацию”¹¹. Управляющий должен также знать имена всех приказчиков и старост во всех без исключения манорах, лиц как высокого, так и низкого происхождения (both high and low) и скрытно (security from them) следить за их поведением. Однако он не может смещать с должности за проступки лиц высокого происхождения, ибо это право принадлежит лишь лорду. Никому, кроме лорда, согласно Флете, внутри манора не могло принадлежать также право продажи опеки, выморочных имуществ (escheats), право сбора брачных пошлин и определения вдовьей доли (to dower widows).

В круг обязанностей стюарда в маноре, что весьма интересно, входит также забота о том, чтобы никто не смел снимать шкуру с погибшего домашнего животного (Флета, в частности, выделяет таких животных, как

¹¹ Ibid.

корова и овца) до тех пор, пока на место происшествия не явятся бейлиф и староста для выяснения причины смерти (to ascertain the course of death). Если после тщательного расследования будет установлено, что животное погибло своей смертью по причине болезни, старости или какой-то случайности, за которую никто не может нести ответственность, то стюард должен доложить лорду об этих обстоятельствах, после чего решить вопрос о том, что делать со шкурой и мясом животного. Если же, напротив, выяснится, что причиной смерти было насилие, совершенное человеком (или собаками какого-то человека), то в обязанности стюарда входило назначить лиц, ответственных за расследование происшествия, а впоследствии на судебном заседании в манориальной курии взыскать с виновных штраф, высота которого должна соответствовать тяжести свершенного проступка.

И, наконец, в обязанности стюарда в маноре входило такое важное действие, как наблюдение за качеством продуктов, поставляемых к столу лорда и его семьи, а также составление меню на каждый последующий день. Так, согласно “инструкциям” Флеты, каждый вечер стюард вместе с поваром должен был являться к лорду или его супруге для того, чтобы обсудить эти важные вопросы. Утром именно стюард должен проследить за тем, чтобы повар или его подручный разрубил на должное количество порций выбранное накануне мясо или рыбу и пересчитать эти порции, дабы не допустить ненужного перерасхода продуктов. Стюард должен также точно знать, сколько буханок хлеба можно испечь из квартера пшеницы и потребовать у кладовщика, согласно этим несложным познаниям, определенное количество муки для выпечки. “И все служащие по дому, - заканчивает раздел, посвященный обязанностям стюарда, Флета, - должны держать отчет перед стюардом. А он обязан свидетельствовать и отчитываться перед лордом обо всем и обо всех в маноре”.¹²

¹² Ibid.

Не менее любопытны и излагаемые Флетой в части 73 анализируемого нами источника должностные обязанности второго после стюарда лица в маноре (из числа служащих) – приказчика или *бейлифа*.

Бейлиф каждого манора, согласно Флете, должен быть правдивым (*true in word*), преданным (*faithful in deed*) и известным как человек, вполне знающий “повседневное право” (“*one who knows enough an everyday law*”¹³).

Бейлифу рекомендуется начинать рабочий день рано утром (горе ему, если он ленив и беззаботен!); первым делом он должен проверить надежность плугов для вспашки почвы и убедиться в их пригодности. Ближе к середине дня ему следует обойти уголья лорда (поля, леса, луга, пастбища) и, добравшись до домена, на котором работают крестьяне, проследить за качеством вспашки и убедиться, что они обрабатывают господскую землю должным образом и не уйдут с поля, пока не закончат работу. А во время посевной именно бейлиф (вместе со старостой) обязан измерять количество сделанного за день каждым из крестьян, дабы все они соблюдали норму вспашки в особо важное для господского хозяйства время. Бейлиф обязан следить и за качеством вспашки, в частности, за тем, чтобы борозда была достаточно глубокой, и эта глубина впоследствии не позволяла бы дождям вымывать зерно, а нож лемеха подсекал бы корни сорняков, оставшихся с прошлого года. Кроме того, пахари, работающие под наблюдением бейлифа, не должны делать слишком широкие борозды (*furrows*), иначе при бороновании после сева все зерно с гребней (*ridges*), разделяющих борозды, будет ссыпаться в них, что не позволит заколоситься тучной ниве.

Бейлиф должен знать толк в условиях содержания домашних животных, особенно таких необходимых в хозяйстве, как лошади и быки. В частности, ему следует знать, что лошадь стоит дороже, чем бык, и почему это так. Нужно знать, что, согласно общему (распространенному?) обычаю (“*by common custom*”), содержание лошади, пригодной для вспашки, должно

длиться в стойле в течение 28 недель (с праздника Святого Луки, 18 октября, до праздника Вознесения Креста Господня, 3 мая). И для того, чтобы подготовить лошадь к работе в течение части осени, весны и всей зимы, необходимо каждый вечер давать ей в качестве корма шестую часть бушеля овса, стоимостью полпенни, а летом давать ей свежего сена на двенадцать пенни в неделю, да еще тратить целый пенни на подковы и так далее. Таким образом, содержание лошади обходится в неделю более чем в 20 шиллингов, не считая расходов на жвачку и солому. На содержание же быка – и это также должен учитывать приказчик – требуется в общей сложности около пяти шиллингов в неделю. Кроме того, когда лошадь “вырабатывается” и умирает от старости или болезни, то в хозяйстве может пригодиться лишь ее шкура, в то время как здоровый, хотя и старый бык, уже не годный для вспашки, может быть использован не только как “поставщик” собственной кожи, но и отдан под нож мясника с целью улучшения снабжения населения манора продовольствием.

Бейлиф также должен, как считает Флета, следить за работой жнецов, косарей, извозчиков и других слуг в маноре, чтобы те старательно и до конца выполняли свои обязанности. В случае провинности или недоброкачественной работы он должен налагать соответствующий штраф. Ему следует вникать во все мелочи хозяйственной жизни манора, ибо нет ничего в “экономии” лорда, что не стоило бы специального внимания в качестве объекта для возможного извлечения прибыли в пользу господина. Так, например, именно бейлиф обязан постоянно следить за молотильщиками, работающими в амбарах лорда с тем, чтобы заставлять их тщательно отделять зерно от колосьев, иначе остающееся зерно начнет прорастать в массе соломы, используемой для покрытия крыш или образования перегноя на полях. Более того, бейлиф должен заставлять крестьян покрывать соломой не только поля лорда, но и пешеходные

¹³ Op. cit. see PP. 244 - 248. Несомненно, что в данном случае под “повседневным правом” Флета подразумевает местное, манориальное право, нормы которого регулировали

тропинки в маноре, чтобы, загнивая, солома превращалась в удобрение и тем самым приносила пользу в хозяйстве лорда. Он не должен также позволять никому (даже лицам высокого происхождения) часто пользоваться лошадьми лорда для верховой езды без специального на то разрешения господина.

Однако бейлифу, как и стюарду, не разрешалось брать с копигольдеров файлы при передаче держаний наследникам, рельефы при выдаче замуж вилланок, судебные пошлины с фригольдеров и т.д. Он не мог также заниматься пивоварением в маноре или содержать собственную пекарню. Он должен был жить на жалованье, выплачиваемое ему лордом. При этом, как заключает Флета, “он никогда не должен считать ниже своего достоинства (*beneath his dignity*) извлекать выгоду для лорда из собственности, принадлежащей лорду, как-то: изготавливать для него солод из его же ячменя, пряжу из его шерсти, полотно из его льна, откармливать для него лошадей для верховой езды, следить за тем, чтобы его садки были полны рыбы, и не прожорливых щук, которые могут уничтожить всех мальков, а карпа и язя”¹⁴. Именно таким видит Флета образцового бейлифа.

Еще одним представителем администрации манора считался староста. Он был “выходцем из народа”, так как, по свидетельству Флеты и таких источников как протоколы манориальных курий, старосту “должно было выбирать на общем собрании манора или прихода как человека, наиболее уважаемого в крестьянском мире, и более всего – за хозяйственную сметку”¹⁵. После выборов староста тотчас же должен был быть представлен лорду и стюарду.

Староста, согласно рекомендациям Флеты, не должен быть ленивым; он не может долго спать, так как рано утром вместе с бейлифом должен идти в поля лорда и следить за тем, как работают пахари, косари, жнецы – одним словом, все те, кому положено работать в хозяйстве господина. В обязанности старосты входит следить за тем, чтобы скотники содержали в

повседневную жизнь крестьянства.

¹⁴ Ibid. P. 248.

порядке коровники, конюшни и овчарни – в частности, раз в неделю посыпали бы их земляные полы известковой глиной (marl), которая легко впитывает влагу, а затем покрывали бы их соломой, излишки которой рекомендовалось использовать для утаптывания на пешеходных тропках и дорожках с целью превращения в удобрение.

Староста должен знать все тонкости процесса внесения удобрений в почву. Так, он должен быть осведомлен, что ни в коем случае не рекомендуется разбрасывать на полях, особенно на песчаных почвах, чистый, без примесей, навоз. Его следует непременно смешивать с землей в определенных пропорциях так, чтобы семена не “сгорели”, ибо, как пишет Флета, “песчаные почвы горячие (hot), горячим также является и удобрение, а добавление земли охлаждает его и способствует хорошему урожаю к прибыли лорда”¹⁶.

В обязанности старосты входит также “сортировка” скота: он должен уметь определять (по состоянию глаз, шкуры и зубов) слабых и больных животных и изолировать их от сильных и здоровых. Вместе с пастухами он должен следить за состоянием господского стада, подыскивать подходящих сторожевых собак, смотреть за тем, чтобы как можно меньше животных болело. Но уж если теленок или овца заболели и умерли от чумы (murrain) или другой болезни, то именно староста должен найти человека, который бы смог утилизировать мясо погибшего животного. В манорах, очевидно, не переводились такие, по словам Флеты, “искусные умельцы” (skilful managers), которые в указанном случае поступали следующим образом: умершее от чумы животное погружали в воду и так “вымачивали” его с утра до вечерни. Затем его подвешивали за задние ноги с тем, чтобы стекла вода; после этого мясо сильно солили и высушивали. Полученный “продукт” распределяли между поденщиками и слугами – сильное свидетельство в пользу умения выгодно утилизировать отходы за счет пренебрежения

¹⁵ Ibid. Chapter 76. P. 248.

¹⁶ Ibid. P. 250.

человеческой жизнью! До сих пор в документах как-то не приходилось встречать сведений о том, что крестьян могли кормить мясом животных, умерших от такой страшной болезни, как чума рогатого скота...

В обязанности старосты входило также следить за тем, чтобы с праздника Святого Мартина (11 ноября) и до Пасхи овец из господского стада пастух и его подручные распределяли бы по крестьянским дворам с тем, чтобы в холодные осенние и зимние дни и ночи им не приходилось бы мерзнуть в овчарне, что, как правило, бывает чревато появлением на свет больного потомства. Животных, которых содержат таким образом в домашних условиях, следует кормить особым образом: сено надо смешивать с грубой соломой, полученной в результате обмолота пшеницы и овса, чтобы при комнатной температуре не происходило брожения и гниения обычного корма в желудках животных. При появлении на свет ягнят староста, скотник и пастух должны следить за тем, чтобы новорожденные не заглатывали вместе с молоком овечью шерсть, что может привести их к гибели.

Староста должен уметь отделять молочных коров от всех других и создавать им наиболее благоприятные условия для выпаса с тем, чтобы они могли дать как можно больше молока. Он должен знать, что крайне нежелательно доить коров после дня Святого Михаила (29 сентября), поскольку это ослабляет животных: чем дольше их будут доить, тем более слабым на будущий год будет потомство и более низкими – надои. Староста должен также контролировать работу молочницы (dairymaid). На эту должность он должен подобрать скромную, честную, преданную, работающую, чистоплотную и не сумасбродную (not extravagant) женщину. Она должна, согласно договору, подписываемому в курии в присутствии старосты, каждый день получать определенное количество галлонов молока с тем, чтобы изготавливать из него сыр, масло и творог для господского стола.

Забота старосты в маноре также – проверять работу скотника и извозчика. Для этой работы он должен подбирать людей сильных, здоровых, решительных, опытных и искусных в своем деле. Они должны вставать

затемно, а ложиться поздно, причем им рекомендуется ночевать вместе со своими подопечными в конюшне или овчарне (хлеву). Скотник, помимо ухода за коровами, овцами и лошадьми, должен знать толк в ремонте плугов, а извозчик должен уметь ремонтировать повозки и конскую сбрую. Он ни под каким видом не может перегружать господских лошадей, особенно тогда, когда их приходится использовать для вывоза камня из каменоломен.

Староста несет ответственность за состояние здания манориальной курии. Он должен вовремя устранять трещины на стенах, ремонтировать двери и замки. В его обязанности входит также следить за состоянием изгородей в деревне и на полях (нельзя, чтобы в качестве “строительного материала” для них крестьяне использовали ветки яблоневых, грушевых, вишневых и сливовых деревьев; в этом качестве должны использоваться ивняк и терн). Он должен следить и за тем, чтобы крестьяне вовремя очищали канавы и выгребные ямы, ремонтировали свои повозки и плуги, вели приличествующий жителям господского манора образ жизни, не пьянствовали в кабаках и тавернах, не дрались и не ссорились, посещали заседания курии, не воровали у молочницы масло и сыр, не уносили бы в своих карманах и башмаках господское зерно со складов.

Ни один староста, согласно Флете, не должен занимать свою должность дольше одного года – его должны переизбирать на общем собрании жителей манора. Это правило, надо отметить, пожалуй, неукоснительно соблюдалось не только в XIII – XIV, но и в XVI в. – наши источники как по Уилтширу, так и по Ланкаширу отмечают факт ежегодного переизбрания старост. Нередко, кстати, они фиксируют и факты отказа со стороны жителей от избрания на эту должность. Видимо, как следует в том числе и из вышеприведенного перечня обязанностей старосты, она считалась достаточно хлопотной и ответственной, но приносила немного выгоды, а недостатки в распорядке внутренней жизни манора, которые просто невозможно было основательно ликвидировать, постоянно вызывали неудовольствие бейлифа или стюарда. Таким образом, староста всегда

оказывался “крайним” в ряду лиц, входивших в администрацию манора, с которого строго спрашивали за все неполадки. Неизвестно, могли ли быть “скомпенсированы” все издержки, связанные с хлопотностью его обязанностей, должным уровнем оплаты за отправление этой должности – в источниках нам не встретилось указаний на то, каким было содержание старосты, основывалось ли оно, в частности, в XVI в., на денежном или натуральном довольствии? И каковы могли быть размеры этого довольствия? Неизвестно, собственно, существовала ли система оплаты вообще (либо эта должность отправлялась “на общественных началах”). Простая логика подсказывает, что эта должность непременно должна была быть оплачиваемой, иначе трудно себе представить, как могло в течение года пребывания старосты “в должности” вестись его собственное хозяйство. Но так же очевидно, что плата не могла быть высокой, иначе бы крестьяне не отказывались от нее с вполне очевидным постоянством.

Так или иначе, в данном случае нам важно прежде всего отметить традиционный, “обычный”, характер тех функций, которые мог выполнять в маноре тот или иной представитель “управленческого аппарата” лорда. Традиция закрепляла за стюардом, приказчиком или старостой его повседневные обязанности, усиливая тем самым роль каждого из них внутри крестьянского мира, способствуя росту их авторитета, что в конечном итоге приводило к относительно образцовому ведению господского хозяйства и повышению его доходности.

Часть 3. Особенности держания по копию.

При вступлении в держание, также согласно обычаю, крестьянин XVI – XVII вв., как и его предок в веке XIV, должен был просить допуска у лорда. Допуск давался в курии, где держатель принимал присягу, признавая лорда своим покровителем и хозяином и выражая ему свою преданность. Обычно это происходило следующим образом: крестьянин должен был опуститься на колени перед стоящим (а чаще – сидящим) лордом, которого в данном случае

отнюдь не мог заменить стюард, вложить свои, соединенные как бы для молитвы, руки между ладонями господина и принести ему клятву верности (oath of allegiance или *fealty*): “I become your man from this daye forwarde of life and limb... Hear you this my lord, that I unto shall be faithful and true...”. Этот процесс был обязательным и основным для так называемых “судов признания” (courts of recognition), проводимых в манориальной курии специально для “освящения” местным правом процедуры допуска копигольдеров к держанию, верховным собственником которого был лорд манора. После этого имя держателя, размеры его участка и условия держания вносились в протокол. Держателю выдавалась *копия протокола*, которая в огромном большинстве случаев расценивалась как подтверждение его прав на землю. Владелец такой копии и назывался копигольдером.

Помимо “courts of recognition”, существовали еще и “courts of survey”, призванные до мельчайших подробностей систематизировать данные обо всех типах крестьянских держаний в манорах, их площади, видах угодий, повинностях, службах и т.д. Сведения, получаемые манориальными клерками в результате опроса каждого из крестьян, вносились в присутствии свидетелей из числа наиболее уважаемых жителей деревни в специальные списки, которые затем объединялись в отдельные свитки по каждому из маноров поместного комплекса в отдельности. Так составлялись манориальные описи, те самые “surveys of the manors”, которые ныне и являются основными источниками для исследователей реалий жизни средневекового английского манора.

Если клерки или свидетели сомневались в истинности данных, сообщаемых тем или иным крестьянином (хотя это бывало нечасто, ибо эти данные оглашались под присягой), то они поднимали манориальные архивы с детально фиксируемыми в них при прежних владельцах размерами и условиями держаний того участка земли, который в данной ситуации волновал “общественность” манора, сверяя сообщаемые держателем сведения с данными, зафиксированными в архиве. Эта процедура была

действительно очень эффективна в практической жизни манора – добытая таким путем истина была весьма очевидна всем, включая прежде всего самих крестьян, так как она базировалась на обычае, из года в год регулирующем до перча и пенса условия каждого из крестьянских держаний. И только в случае возникновения необходимости экстренной продажи части земель манора, как правило, посылали в город за землемером (им мог быть любой человек “ученых профессий”, чаще всего адвокат или нотариус) на предмет его приглашения в поместье с целью обмера угодий – в указанном случае “court of survey” проходил уже в присутствии последнего, а в описи вносились и полученные им сведения.

Наиболее интересной и важной для понимания процесса “фиксации” статуса копигольдера местным правом является проблема *условий* его держания, то есть, во-первых, *сроков* этого держания, и, во-вторых, *высоты различного рода платежей* лорду, которые требовались с копигольдера при вступлении в него.

Наиболее распространенным видом крестьянского держания был копигольд “на сроки жизней”. Документы манориальной истории свидетельствуют о том, что чаще всего в копии указывались, согласно обычаю, три имени (отец, мать и сын или отец и двое сыновей). Это означало, что после смерти “основного” держателя участок должен последовательно переходить в руки лиц, указанных в копии, при этом непременно подвергаясь процедуре реверсии, то есть фиксации процесса передачи участка “через руки лорда” в курии, символизирующей разрешение лорда как верховного собственника всей земли в маноре, на эту передачу (уступкой манориальному обычаю, как уже упоминалось, было то, что лорд должен был передать участок тому лицу, на которое укажет держатель: в данном случае держатель указывал на самого себя как на лицо, “зарегистрированное” в копии).

Надо сказать, что в практике повседневной жизни английского средневекового манора сложились определенные реальные нормы сроков

держаний на жизни, когда длительность одной “жизни по копии” вовсе не соответствовала длительности *человеческой* жизни: достаточно сказать, что, как правило, держание “на три жизни” исчислялось в манориальной практике сроком всего в 21 год. Тенденция к исчислению “трех жизней” указанным сроком особенно проявляется в XVI в., в эпоху аграрной революции, как раз в то время, когда краткосрочность держаний становится одним из основных “рычагов” экспроприации крестьянства. Источники этого периода нередко фиксируют и держания на “одну жизнь” – 7 лет, по истечении которых было легко и удобно (при реверсии) изменить, вопреки обычаю, регулировавшему наследственные права членов внутриманориальной общности, условия хозяйственного функционирования того или иного участка копигольда. Однако справедливости ради отметим, что подчас в указанное время все еще, сохраняясь со времен Средневековья, существовали сроки в 40 лет и 61 год.

Если мы попытаемся, в связи с проблемой сроков копигольда, хотя бы слегка углубиться в тонкости манориального права, то тогда следует отметить одно очень интересное обстоятельство. Оказывается, что термины “обычный держатель” (*customary tenant*) и “копигольдер” (*copyholder*), в практике реальной жизни английского манора, казалось бы, являвшиеся идентичными (так как оба они отражали статус крестьянина, который держал по обычаю манора на основании копии манориального суда), были не вполне однозначны с точки зрения обычая манора. Строго говоря (и на это указывали Т. Литтлтон, Д. Норден и Э. Кок), обычными держателями можно было считать только тех крестьян, имена которых числились в составе лишь *трех* лиц, зафиксированных в копии манориального протокола (ибо, согласно обычаю, даже лорду не следовало указывать в копии более трех имен держателей)¹⁷. Именно эти держатели передавали свои участки согласно классической формуле, содержащейся в договоре (и в копии), практически постоянно фиксируемой источниками манориальной истории:

¹⁷ См. об этом подробно: Kerridge E. *Agrarian Problems in the XVI Century and after*. L. – N/Y, 1969. P. 36 и далее.

sibi et suis – “ему и его¹⁸” (в английском варианте – to him and his). Это означало, что данный участок должен был перейти после смерти держателя его кровным родственникам, прежде всего детям, тем, “кто вышел из его тела” (*the issue of his body*), либо жене (о специфике “назначения” вдовьей доли в английском средневековом маноре мы еще будем подробнее говорить ниже). Однако источники нередко фиксируют и иную формулу передачи земли (не забудем, что *любой* вариант подразумевал формальную передачу земли через руки лорда в курии): sibi et suis *heredibus* – ему и его наследникам (to him and his *heirs*). Вот это самое, одно-единственное слово (наследники, “наследникам”) и было, с точки зрения манориального права, основополагающим звеном в цепочке, составленной на протяжении веков из длинной серии чуть ли не ежедневных процедур сдачи и допуска “обычной” земли в манориальной курии и письменной фиксации их, с применением соответствующей терминологии, в документах манориальной истории. Включение его в протокол означало то, что формула не могла считаться “классической”, основанной на соблюдении обычая; она была, как писал Норден, “неопределенной”; слово “*heredibus*” могло относиться не только к детям, но означать и других родственников, и даже свойственников, наследование земли которыми с точки зрения манориального права не считалось “юридически чистым”. Применение этой второй формулы в источниках наиболее характерно для тех случаев, когда в копии указано более трех лиц (иногда четыре или пять). Именно этих держателей, чьи имена указывались в копии сверх положенной нормы числом “три”, согласно обычаю, и следовало называть *копигольдерами*, а не обычными держателями.¹⁹ Возникает вполне законный вопрос: каким образом местное

¹⁸ Именно так; слова “наследникам” (его *наследникам*), как мы сейчас увидим, в этой классической формуле не предусматривалось.

¹⁹ Отмечу, что все эти тонкости манориального права, касающиеся различий в терминологии, очевидно, не носили характера лишь отвлеченных упражнений в области местной правовой казуистики. Они, не только не исследованные, а даже и не отмечавшиеся в отечественной историографии после А.Н. Савина, который лишь вскользь указывает на важность исследования этих сюжетов, во всей видимости, представляли очень важную часть местных правил, особенно в области наследования недвижимости.

право квалифицировало крестьян в тех случаях, когда “обычная норма”, напротив, занижалась, и в копии фиксировались одно или два имени? Относительно наличия в копии двух имен источники не дают ответа (хотя и содержат некий терминологический намек, о котором мы скажем чуть ниже). Что касается “держания на одну жизнь”, то крестьянина, одно-единственное имя которого было зафиксировано в копии, рекомендовалось, как отмечается в документах, считать “обычным держателем”, так как в практике многих маноров подразумевалось, что имена остальных двух “соучастников” в держании по копии могут быть добавлены позже, с включением в возобновляемый при смене родственников протокол формулы “to him and his”. Иногда при фиксации в копии лишь двух имен, в описи также присутствует указанная формула, наличие которой, возможно, и стоит расценивать как терминологический намек на то, что держателей на “две жизни” также могли причислять к “держателям по обычаю”.

Наиболее привилегированным видом держания “на воле лорда и по обычаю манора” считался наследственный копигольд (copyhold by inheritance), в наибольшей степени распространенный в восточной Англии. В практической жизни манора он отличался от “срочного” копигольда рядом особенностей. Во-первых, как правило, в случае наследственного копигольда земельный участок переходил к *старшему* сыну (или, при отсутствии сыновей, – к старшей дочери) – процесс, который, пожалуй, имел в качестве имитационной основы нормы, установленные общим правом при наследовании фригольда. В отношении же копигольда срочного, как показывают документы, это правило далеко не всегда соблюдалось – выбор наследников нередко определялся, как мы увидим далее, “насущными потребностями дня”, то есть зависел от повседневных нужд того или иного крестьянского хозяйства. Кроме того, срок “общесемейного” наследования копигольда не ограничивался в указанном случае 21 годом, а действительно соответствовал временным рамкам, характерным для естественной смены поколений. Кроме того, вступительные взносы (файны) на наследственном

копигольде были значительной ниже, чем на срочном. Они были также не произвольными, а фиксированными²⁰. Наконец, говоря о сроках держаний и отмечая роль манориального обычая в их регулировании, стоит упомянуть об интересном феномене в практике наследования внутри английского манора, характерном более всего для Кента, а также встречавшемся в Восточном Норфолке, Уэльсе, Нортумберленде и части Ланкашира – обычае под названием “gavlekind”, то есть равном разделе имущества между сыновьями после смерти держателя. Роль этого обычая и его значение в практике хозяйственной жизни английской средневековой деревни исследованы еще далеко недостаточно.

То же самое можно сказать и об обычае “cradle-hold”, согласно которому земля передавалась младшему сыну последней жены представителя наследственного копигольда (или фригольда, часть которого также наследовалась по указанному принципу). В случае отсутствия сына или его недееспособности (обычай специально оговаривал случаи умопомешательства наследника в качестве препятствия к реализации права наследования), земля переходила к младшей дочери. Такой обычай, как считают исследователи,²¹ был особенно характерен для маноров городского типа. К сожалению, мы не можем возможности хотя бы в небольшой степени исследовать этот не лишенный интереса сюжет на материале исследуемых маноров. И не потому, что в источниках по Уилтширу и Ланкашир не содержится сведений о манорах городского типа (как мы видели, такие сведения, и вполне основательные, имеются, что и позволило выдвинуть проблему “манора-города” периода раннего Нового времени), а по той причине, что среди этих сведений нет данных об обычаях наследования или передачи земли.

Выше мы упоминали о том, что в состав условий держания копигольдера, определяемых, согласно обычаю, в манориальной курии при

²⁰ Подробнее о значении вступных файлов в жизни копигольдеров мы будем говорить чуть ниже.

оформлении процедуры допуска, в качестве основной “составляющей” входили различного рода платежи лорду. Чем же конкретно был обязан лорду копигольдер?

Во-первых, в протоколе о допуске к держанию фиксировался уровень денежной годовой ренты. Ренты были разными – относительно высокими и относительно низкими. Они могли исчисляться лишь в пенсах, чаще всего – в шиллингах и пенсах, реже – в фунтах. Описи тех маноров XVI – первой трети XVII вв., с которыми мне приходилось работать, являют необыкновенную пестроту держательских рент. Требуются годы работы, чтобы выявить хоть какие-то закономерности, регулирующие уровень этих рент. При этом надо учитывать и то обстоятельство, на которое мы уже обращали внимание ранее – так называемую диспропорциональность между их высотой и площадью земельного участка, в результате наличия которой нередко возникала ситуация, характеризующаяся тем, что богатые держатели, владевшие иногда сотнями акров, не доплачивали лорду, а бедные – переплачивали.

В очень обобщенном виде можно отметить, что высота рент на копигольде²² в период аграрной революции могла зависеть 1. от экономических потенций земли, в том числе от наличия или отсутствия “коммерческих” типов угодий (например, пастбищ для овец) в составе держаний; 2. от имущественного положения держателя; 3. от сословного его положения (так, дворяне и горожане, “проникавшие” на копигольд, нередко платили ничуть не более высокую ренту, чем обычные держатели, а во

²¹ Kerridge E. Op.cit. P. 30-41.

²² В данном случае речь идет только о копигольдерских рентах. Если же вести речь о рентах, выплачиваемых представителями других прослоек держателей в манорах, то у нас имеются данные о рентах на акр земельной площади, полученные на основе сплошных обчетов рентных обязательств всех держательских категорий в манорах Пемброков в Уилтшире для XVI – первой трети XVII вв. Эти данные свидетельствуют о номинальном характере рентных обязательств фригольдеров (низкие ренты, всего около 2 d/ акр), очень высокой степени доходности для манориальных лордов отношений аренды, особенно краткосрочной (ренты на акр в указанном случае достигали 11,3 d., то есть почти равнялись шиллингу) и довольно стабильном в целом по комплексу состоянии

многих случаях – более низкую, или не платили ее вовсе, чем, кстати, не в последнюю очередь и объяснялось стремление “благородных” на копигольд);²³ 4. от того, был ли копигольд “срочным” или наследственным (нередко более привилегированные “copyholders by inheritance” платили относительно более низкие ренты, чем держатели “на жизнь” или “жизни”); 5. от одновременности складывания обычая.

В связи с последним утверждением отметим, что ренты копигольдеров, при всем различии их природы и уровня, объединяло то важное обстоятельство, что они были определенными, фиксированными, “твердыми”, то есть не могли меняться из года в год по воле лорда. В данном случае воля лорда, от которой во многом действительно зависела судьба копигольдеров, отступала перед манориальным обычаем, который как раз и был тем самым “цементирующим началом”, скреплявшим права крестьян в сфере выплаты ими ежегодных рент. *Если по отношению к средневековому английскому крестьянству и можно говорить об относительной его обеспеченности, то только потому, что в реальной жизни манора существовал такой важный феномен как обычай твердых рент.* Не в последней степени именно это обстоятельство в свое время позволило Д.М. Петрушевскому утверждать, что английские крестьяне XIV в. с точки зрения местного, манориального права, обладали сейзиной (собственностью) на те участки земли, на которых они хозяйствовали (хотя с точки зрения права господ или общего права Англии, они являлись лишь держателями этой

копигольда, если судить об этом состоянии лишь на основании указанного фактора (высота рент на акр была равна 3,6 d.).

²³ Об этом свидетельствуют, например, такие данные, полученные в результате работы с описями маноров поместья Рочдейл: так, в маноре Каслтон джентльмены Роджер Уайтверф и Роберт Холт за достаточно крупные участки копигольда в 84 и 34,5 акров соответственно, вовсе не платят никакой ренты, в то время, например, как крестьянин-копигольдер Эдмонд Купер из этого же манора за участок в 14 акров платит довольно приличную ренту в 3s.10d. В маноре Вардлверф джентльмен Ричард Энтвисл за участок копигольда в 10,5 акра, приобретенный им здесь, платит всего 10d., в то время как копигольдер крестьянского типа Исаак Клегг за идентичный участок – 20 d. Далее, в маноре Вардл все тот же эсквайр Роберт Холт, захвативший здесь крупный “кусоч” копигольда в 80 акров, платит за него в виде ренты 11s.8d. (1,8 d/акр.), а копигольдер

земли от лорда).²⁴ Малая подвижность ежегодной ренты была и по мнению А.Н. Савина “наиболее благоприятной чертой экономического и юридического положения копигольдеров”.²⁵ Итак, еще раз подчеркнем, что вне зависимости от времени складывания обычая, наличие его самого влияло на неизменный характер рент – они, как правило, были стабильными, постоянными.²⁶ *Время* же складывания обычая, очевидно, могло влиять на уровень рент: если в том или ином маноре обычаев, регулирующий отношения между крестьянином и лордом в указанной области, возникал и укреплялся в период невыгодной для крестьянства экономической конъюнктуры (скажем, в эпоху “феодалной реакции” в Англии XIII в.), то ренты могли закрепляться как высокие. Если же обычай, напротив, складывался во времена, с экономической точки зрения тяжелые для господ, то ренты могли быть зафиксированы обычаем как относительно низкие для крестьянства. Эта, практически совсем не изученная, зависимость рент от времени складывания обычая, требует дальнейшего тщательного исследования на материале первоисточников по различным регионам Англии. Дело в том, что ее лишь отмечают историки, прежде всего зарубежные²⁷, но отнюдь не исследуют, что, на мой взгляд, объясняется объективными трудностями, связанными даже у них с проблемой подбора соответствующих источников. Ведь речь идет о необходимости наличия

Александр Киршо – 16 d. (4 d/акр.) за участок всего в 4 акра. И этот список можно было бы бесконечно продолжать.

²⁴ См. Д.М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. Спб., 1914. гл. 2.

²⁵ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. 165.

²⁶ Действительно, как показывают наши наблюдения, ренты практически не менялись даже в эпоху аграрной революции. Так, если сумма обычных годовых рент в манорах графов Пемброков на Юго-Западе Англии в середине XVI в. составляла 231,6£ или 53% суммы платежей держателей всех юридических категорий, то в 30-х гг. века XVII она даже несколько (на 19 ≤) снизилась и составила 212,6£ или 35,4% объема всего манориального бюджета. Такое значительное понижение удельного веса обычных рент копигольдеров, несмотря на небольшое “расхождение” в абсолютных цифрах, связано, кстати, с общим повышением объема рентных платежей за указанный срок в полтора раза. Однако дело не в этом, а в тенденции к “традиционной статичности” обычных рент даже в период крупных изменений в жизни английского манора указанного времени. См.: Винокурова М.В. Английское крестьянство... М., 1992. С.256-257.

большого круга “синхронных” по времени и географическому ареалу материалов, в которых одновременно содержалась бы информация и о рентах, и о специфике процесса формирования обычая в каждом из маноров того или иного комплекса, в том или ином регионе. “Комплекта” такого рода источников не существует; в лучшем случае речь может идти о формировании базы исследовательских данных, полученных, с одной стороны, из манориальных описей или экстенгов (сведения о рентах), с другой – путем случайной выборки – из протоколов курий (сведения об обычаях, но, как правило, не о специфике процесса их формирования), которые далеко не всегда имеются для владений, описанных в экстенгах. Таким образом, в аграрной истории Англии, как мы видим, сплошь и рядом возникают проблемы, которые легче поставить, чем основательно решить.

“Странной” особенностью рентных обязательств периода аграрной революции в Англии является зафиксированное в источниках наличие натуральных и даже отработочных рент. Следы былого “рабства” еще тяготели над крестьянами, проявляясь в условиях их земельных держаний. В этой связи хотелось бы привести некоторые примеры из описей маноров Пемброков в Уилтшире за 60-е гг. XVI в., с достаточной отчетливостью свидетельствующие о вилланском прошлом копигольда. Так, Иоган Кул (Coole) держал по копии в маноре Брод Чок, данной 10 мая в 33 год правления Генриха VIII (около 1540 г.) один месуагий и две виргаты земли. Он имел право выпаса в общинных угодьях восьми голов крупного рогатого скота и ста овец. Он пахал и заседал собственными семенами земли, сданные лордом фирмарию (тип аренды), жал один день, свозил убранный хлеб полдня и поставлял двух работников для мытья овец и двух работников для их стрижки, которые возили шерсть до Вилтона. Он пахал один акр земли вместо ренты зерном. Денежная рента с этого держания равнялась 23 s.6d.²⁸

²⁷ См., например: Postan M.M. *The Medieval Economy and Society. An Economic History of Britain in the Middle Ages.* L., 1972.

²⁸ *Survey of the Lands of William the First of Pembroke...* Oxford, 1909, Vol.1, P.82.

В этом же маноре Томас Уайтмарш держал по копии, данной 27 ноября в 33 года правления короля Генриха VIII ... один месагий и две виргаты земли. Он доставлял фирмарию один бушель зерна, либо пахал и сеял взамен этой повинности. Он пахал один акр на домене(!), мыл овец, пас стадо полдня, день косил... выплачивая при этом денежную ренту 275 d.²⁹

Интересно “распорядился” обычай с платежами крестьян манора Стантон Бернард: 16 копигольдеров этого манора “поголовно” платят идентичную комбинированную ренту: 11 пенсов + петух + курица. В целом же, согласно нашим подсчетам, произведенным на основе указанных описей, в XVI в. отработочная рента была характерна для 14,8% общего числа копигольдеров, натуральная – для 15,9%.

Во-вторых, в ряду держательских платежей важную роль играли уже неоднократно упоминаемые в нашем исследовании взносы за допуск к держанию или вступные файлы (*finēs of admission*).³⁰ В отличие от фиксированных обычаем годовых рент, файлы являлись наиболее подвижной частью держательских платежей, так как зависели от воли лорда. Анализ источников манориальной истории показывает, что в период формирования копигольда как особой формы крестьянско-парцеллярного хозяйства в эпоху коммутации рент и “спонтанного” освобождения крестьянства, файлы могли быть относительно низкими или, по крайней мере, разумными.³¹ Причем критерий “разумности” подразумевал, что их высота не должна превышать уровня двухгодичного дохода с участка земли с тем, чтобы не привести крестьянское хозяйство к экономическому дисбалансу и обеспечить хотя бы его простое воспроизводство. Как показывают исследования, подчас вопрос о

²⁹ Ibid. P. 80-81.

³⁰ Пусть читателя не удивляет слово “вступные”, хотя, согласно нормам русского языка, кажется, правильнее было бы употреблять слово “вступительные”. Дело в том, что в отечественной историографии со времен историков “русской школы” закрепилось именно такое словоупотребление: “вступные файлы”, но “вступительные взносы”. И мне не хотелось бы нарушать эту традицию.

³¹ См.: Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. Спб., 1914; Tawney R.H. Agrarian Problem in the XVI Century. L., 1912; Kerridge E. Agrarian Problems in the XVI Century and after. L – N/Y, 1969. etc.

сумме фэйна в XIV в. решался коллегиально на заседании манориальной курии, куда вызывали копигольдера и заслушивали его доводы в пользу той суммы фэйна, которую крестьянин считал наиболее приемлемой для нормальной “жизнедеятельности” своего хозяйства.³² Но если такое и бывало, то, как подчеркивает А.Н.Савин, очень нечасто. В целом же, повторим, согласно терминологии аграрных исследований, “фэйны лежали целиком на воле лорда”. В эпоху бурных перемен XVI – XVII вв. в жизни английской деревни именно они явились тем самым “компенсационным фактором”, с помощью которого лорды стремились уменьшить свои так называемые “убытки”, связанные с неподвижностью обычных рент. По сути, именно вступные фэйны, многократно “взвинчиваемые” лордами маноров, играли роль “улучшенной ренты” или “ренты-мечты”, о которой писали отечественные исследователи советского периода.³³ В дальнейшем мы постараемся проиллюстрировать этот процесс на основе конкретного материала, в частности, по юго-западной Англии.³⁴

В-третьих, не последнюю роль в “списке” платежей, которыми копигольдеры были обязаны манориальным лордам, играли герियोты (heriots) – так называли те поборы, которые снимали с крестьянского хозяйства после смерти держателя. Именно в гериотах в наибольшей степени сказывалось вилланское прошлое копигольда, так как они символизировали власть лорда над имуществом крестьянина не только при его жизни, но даже и после смерти, то есть, по сути, власть над личным, человеческим статусом; словно бы господин, забыв о Всевышнем, простирает свое могущество до грани

³² Kerridge E. Op. cit. P. 37.

³³ Речь идет о рентах, которые можно было бы получать с держателей, если перевести хозяйство на коммерческий лад, то есть, по сути, превратить большую часть держаний “на обычае” в “держания на воле лорда” (например, в аренду). См.: Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии. М., 1957; Семенов В.Ф. Положение обычных держателей Юго-Западной Англии во второй половине XVI – начале XVII в. // Средние века, Вып. 25. 1964.

³⁴ Уже упоминалось, что описи 20 маноров поместья Рочдейл в Ланкашире, относящиеся к 30-м гг. XVII в., к сожалению для исследователей (но к счастью для крестьян того времени) не фиксируют вступительных взносов (фэйнов), и это по той простой причине, что

между жизнью и смертью. В качестве гериота обычно требовали лучшую голову скота – страницы манориальных описей буквально испещрены вот такой фразой: “ as a heriot: the best beast” (“в качестве гериота: лучшее животное”). Таким образом, чтобы хозяйство крестьянина после смерти кормильца могло более или менее нормально функционировать, лорд “соглашался” присваивать не всю его движимость, а только часть ее. Обычно “лучшим животным” была лошадь или корова, однако с бедняков охотно принимали также и овцу, и козу. Гериоты были чрезвычайно распространены не только в XIII – XIV вв., но и в XVI-XVII – так долго существовал этот знак серважа. Так, в 30-е гг. XVII в. в манорах Пемброков в Уилтшире гериоты выплачивали 65% (!) общего числа “зарегистрированных” описями копигольдеров. Особенность выплаты гериотов в указанных владениях заключалась в том, что, видимо, в связи с развитием там скотоводства, лорды не останавливались перед тем, чтобы требовать, в нарушение обычая, не одну, а две, а иногда и три лучшие головы скота. Правда, время вносило свои коррективы: в некоторых случаях господину предоставлялось право выбора: получать гериот натурой либо деньгами. Так, например, в маноре Стантон Бернард, где указанная особенность проявилась наиболее ярко, держатели двух виргат (а таких там было большинство) платили за них две лучшие головы скота, либо 15 пенсов – за половину виргаты (то есть 60 пенсов за две).³⁵ Таким образом, в данном случае можно говорить о коммутации гериотов. А вот что касается повинностей копигольдеров в 20 манорах поместья Рочдейл в Ланкашире, то в них эти крестьяне вовсе не платили гериотов – описи не фиксируют ни одного случая выплаты этого платежа. Очевидно, освобождение крестьян Ланкашира не только от фэйнов, но и от гериотов также свидетельствовало о том, что их хозяйства более или менее (по сравнению с крестьянством других частей Англии) оберегали для того,

крестьянство Севера и Северо-Запада Англии было вовсе от них освобождено как часть населения, несущего “государственную службу при границе”.

³⁵ Survey of the Manor of Philipp the First Earl of Pembroke and Montgomery, 1631-1632. Devizes, 1953. Survey of the Manor Stanton Bernard. P.76-87.

чтобы они могли нормально функционировать в связи с необходимостью “службы при границе” - иного объяснения для отсутствия в этом регионе указанных важных, закрепленных обычаев, платежей, пожалуй, невозможно и найти.

Далее, в разряд повинностей копигольдеров и в XVI – начале XVII вв. входило, согласно обычаю, выполнение таких обязанностей, как выплата брачной пошлины лорду при выходе замуж дочери крестьянина или женитьбе его сына, нередко – обязанность крестьянина молоть зерно на господской мельнице (описи регистрируют даже необходимость выплаты за это специального взноса в несколько пенсов), нести караульную службу при усадьбе господина, и естественно – регулярно посещать манориальную курию, особенно в так называемые Судные дни.

Здесь мы подходим к изучению такой важной проблемы, как роль местного правосудия, основанного на обычаях, в жизни крестьянского мира.

Часть 4. Общий закон или частный обычай?

“Сердце манора лежало в его судах”, - писал А.Н. Савин³⁶: до конца XV в. тяжбы крестьян с лордами, равно как и межкрестьянские тяжбы, разбирались исключительно в манориальных судах, вся деятельность которых была построена на местных обычаях. Именно эти обычаи, весьма разнообразные, и фиксировали конкретные даты Судных дней, то есть дней, назначенных для вышеуказанных судебных разбирательств. Они проводились с разной периодичностью, но, как свидетельствуют протоколы манориальных курий, не реже двух раз в год, нередко накануне или после церковных праздников³⁷ (за период в полгода или несколько месяцев, проходивший от Суда до Суда, дела, очевидно, успевали накапливаться в объеме, достаточном для проведения в высшей степени поучительного для

³⁶ См.: Савин А.Н. Указ соч. С. 141-233.

³⁷ Об этом можно судить по множеству таких, например, записей, которые содержатся в протоколах манориальных курий: “Court next following the feast of St. Luke...” (Суд,

крестьянского мира действия). В самом деле, как свидетельствуют источники, в назначенный день в курию должна была являться большая часть населения манора, в присутствии которой и проводились “показательные” судебные разбирательства, возглавляемые, как мы помним, стюардом, представлявшим на них самого лорда.³⁸

Однако прежде чем перейти к вопросу о том, какие же именно дела могли разбираться в манориальной курии, как думается, не мешало бы подчеркнуть одно важное обстоятельство, относящееся к специфике правового положения копигольдеров, из которых и состояла основная масса английского крестьянства. Мы помним, что они были неподсудны, как другие категории населения Англии (включая свободных держателей), судам общего права и поэтому не “вписывались” в единую национальную правовую традицию как лица, не имеющие собственности (с точки зрения все того же общего права). Королевские суды отвергали иски держателей по копии на том основании, что “фригольд земли копигольдера лежит в домене манора”, то есть верховным собственником земли копигольдера является не он сам, а его господин. Таков был прецедент, ставший в этой области юридической нормой, на которую исключительно и опирались суды общего права до конца XV в.

Напомню, что истоки этого прецедента коренятся в XII в., когда, согласно реформам Генриха II, крестьяне были исключены из сферы действия королевской юрисдикции. В то время вилланы были приписаны к земле манора, и их судьбу мог решать не король, а лорд; таким образом, крестьяне стали подданными своих сеньоров. Какую бы землю, пусть даже свободную по статусу, они ни держали, все равно они были несвободными лично. С указанного времени феодальная зависимость от лорда становится наследственной, а в качестве основной юридической максимы по отношению

следующий сразу же после Праздника Св. Луки...” или “Court on the Eve of Holy Trinity...” (Суд в канун Святой Троицы...).

³⁸ Подробнее об этом см.: Винокурова М.В. Один день из жизни английского крестьянина. // История средних веков. М., 1999. С. 353-370.

к вилланам утверждается правило: “Tenementum non mutat statum” (“Держание не меняет статуса”). Итак, статус земли не менял статуса держателя, последний всегда представлял как “врожденный”.

Разбор дел копигольдеров в судах общего права³⁹ едва начинается в конце XV в., хотя и до этого времени, и после, в сферу действия этих судов, как указывалось выше, были включены, кроме них, практически все основные категории английского общества. А ведь держатели по обычаю ничего так страстно не желали, как превращения своих держаний в свободные, что на практике означало бы доступ в суды общего права наряду с фригольдерами и превращение из “подданных” манориальных лордов в подданных короля. Особенно важным для них это становится в XVI – начале XVII вв., в эпоху аграрной революции, когда обычное право, до указанного времени более или менее защищавшее крестьян от проявления “злой воли” господина, уже было “деформировано” самими экономическими процессами указанного бурного периода.

В чем это выражалось? В том, что манориальные лорды все больше и чаще нарушали обычай, толкуя принцип его “разумности” слишком расширительно и выгодно для себя. В указанное время лорд становится, говоря образно, не конституционно ограниченным, а абсолютным монархом в маноре, чья воля в значительной степени была ориентирована уже не на обычай, а на рыночную конъюнктуру. Все новые факты экономической жизни XVI – XVII вв., о части которых мы еще будем подробнее говорить ниже на основе исследований манориальных описей (проникновение дворян на копигольд, огораживания, распространение т.н. держаний “на воле лорда”

³⁹ Здесь стоит вкратце напомнить об основных институтах общего права в Англии. Центром судопроизводства в этой стране, как известно, был Вестминстер, где и находились с XIII в. главные Суды общего права: Суд общих тяжб, Суд казначейства и Суд королевской скамьи. Первый из названных судов расследовал имущественные тяжбы, связанные более всего с интересами короны, второй следил за тем, чтобы соблюдались ее фискальные интересы, наконец, третий разбирал дела, основанные на ущемлении имущественных прав подданных короля. Основой общего права были судебные прецеденты, которые с XIII-XIV вв. стали фиксироваться в специальных ежегодниках, а с

и аренды, увеличение числа краткосрочных держаний, наступление на фригольд, а главное – повышение в десятки, а иногда и сотни раз файнов за допуск), свидетельствовали о процессе деформирования манориального обычая, который перед революцией середины XVII в., пожалуй, уже нельзя было назвать “душой и жизнью” копигольда.

Более того: нередко в указанный период манориальные лорды нарушали не только местное, обычное, право, но, если речь шла о перспективе обогащения, попирали и нормы общего права. Так, в разделе по фригольду мы уже упоминали об одном очень интересном и “вопиющем” примере, связанным с массовым превращением к 30-м гг. XVII в. огромного по площади (свыше 3500 акров) свободного держания в манорах Пемброков в Уилтшире в копигольд, с которого можно было к указанному времени взимать неограниченные файны. Теория же запрещала превращение свободного держания в обычное (в том числе и путем выкупа, который, очевидно, был совершен Пемброками) на основании того, что “из держания, имеющего фригольд, ⁴⁰ нельзя создать держания, его (фригольда) не имеющего, то есть держания, фригольд которого лежит в домене манора”.⁴¹

Казалось бы, странно, но чем больше деформировался манориальный обычай, регулировавший условия держания на правах копигольда, тем последовательнее становилась его защита в судах общего права. Уже упоминалось, что рассмотрение тяжб копигольдеров с лордами в этих судах началось в конце XV в. Имеется в виду широко известный в среде историков-аграрников процесс судей Данби и Брайдана, о котором пишет Литтлтон и который является первым и классическим примером разбора имущественной тяжбы копигольдера с лордом не в манориальном суде, а в суде общего права. Речь в этом споре шла о лошади, взятой лордом в качестве гериота у держателя наследственного копигольда вопреки местному обычаю,

XVI – в судебных отчетах, издаваемых судьями. См. подробнее: Кондратьев С.В. Юристы в Англии XVI-XVII вв. Тюмень, 1993.

⁴⁰ В данном случае под “фригольдом” подразумевается *право* собственности.

⁴¹ See: Blackstone W. Commentaries on English Law. Vol. 2. Ch. 9. P. 149.

предписывавшему не взимать этого платежа с привилегированных “наследственных” держателей. Из записей решения суда вовсе не следовало, что это дело было решено в пользу крестьянина (сама запись неясна и обрывочна); важным было то, что возник прецедент.⁴² Он был создан в Канцлерском суде (Chancery), а позднее, в XVI – XVII вв., копигольдеры начинают подавать иски в другие суды общего права, в том числе и в суды Справедливости: Звездную палату и Палату прошений. Чаще всего иски принимались, но, как показал в свое время А.Н.Савин, не всегда рассматривались. Если же рассматривались, то нередко как бы в пользу копигольдеров, то есть с учетом обычая данного манора. В этом и состояла рецепция обычного права правом общим: на обычай стали опираться королевские судьи.

Но еще раз подчеркнем то обстоятельство, что в XVI – XVII вв. обычай складывался, ввиду экономических злоупотреблений лендлордов по отношению к крестьянству, невыгодно для копигольдеров и *рецепция обычного права часто уже не была полезна простым держателям*. Ведь юридические формы жизни английской деревни были приняты общим правом в то время, когда от них начало “отлетать” то жизненное содержание, которое было основано на “обычае-защитнике” прежних времен.

С одной стороны, без частичной рецепции обычая судами общего права крестьянская форма землевладения исчезла бы в Англии скорее, чем это произошло в действительности. С другой – очевидно, что признание маноориального обычая (измененного самой жизнью и в период аграрной “перестройки” почти не защищавшего крестьянина) именно перед революцией середины XVII в. являлось, очевидно, неким средством со стороны представителей господствующего класса создать иллюзию соблюдения интересов масс держателей. Правящий класс, конечно, не собирався менять положение кардинально и превращать копигольд в свободное держание. Поэтому можно сказать, что в данной обстановке, по

⁴² Савин А.Н. Указ. соч. С. 233-236.

словам А.Н. Савина, “уважение к традиции оказалось сильнее желания реформировать сложившиеся традиции”⁴³.

Эти традиции, как в дальнейшем показала практика, так и не были реформированы революцией середины XVII в.; копигольд не стал свободным, а остался бесправным и не обеспеченным, не защищенным после революции уже ни обычным, ни общим правом, что и привело в XVIII в. к его исчезновению как формы крестьянского держания, к его прямой узурпации буржуазией и джентри, замене фермерским хозяйством и поместьем нового, капиталистического, типа.

Часть 5. Преступления и наказания в английском маноре

Теперь, после уточнения важного вопроса о соотношении роли обычного и общего права в жизни копигольдеров настала пора вернуться к вопросу о специфике работы манориальных курий как судебных инстанций, основанных на применении обычая, являвшегося в данном случае *инструментом внутриманориальной полицейской юрисдикции*⁴⁴. Как они функционировали? Каким был мир английского манора, если рассматривать его с точки зрения местного закона, сконцентрированного в курии и ответственного за крестьянские “преступления” и наказания за них? Этот важный сюжет, как нельзя более живо характеризующий крестьянскую повседневность манора, тем не менее, практически не рассмотрен в нашей литературе – прежде всего по причинам, на которые мы уже ссылались выше; одна из них состоит в преимущественном “исследовательском” внимании историков советского периода к вопросам, связанным с изучением наиболее важных, по меркам того времени, проблем динамики рентных платежей и эволюции форм земельной собственности, другая связана с отсутствием доступа к источникам, на основе исследования которых только и можно всерьез заниматься историей “повседневного”.

⁴³ Там же.

Для рассмотрения указанного вопроса в нашем распоряжении как раз и оказались источники такого рода, достаточно редкие, о специфике которых уже неоднократно упоминалось выше. Речь идет о протоколах манориальных курий (manorial court rolls), которые и фиксировали итоги судебных разбирательств, связанных с различными проступками и преступлениями в английском маноре.

Эти протоколы, содержащиеся в моем случае в трех объемных томах (я именовала их “Желтыми книгами” по цвету переплета), правда, относятся не к XVI, а к концу XIV в. и фиксируют положение дел в трех крупных манорах комплекса Тоттенхем в Восточной Англии времен правления Ричарда II (1377-1399)⁴⁵; манорах, имевших долгую “владельческую” историю и ведших свое начало со времен Книги Страшного Суда.

Может возникнуть вопрос: почему вдруг в исследовании по аграрной истории, относящемся в основном к раннему Новому времени, появляются материалы, свидетельствующие о развитии английского манора конца XIV в.? Ответ на этот вопрос и прост, и сложен. Прост потому, что массовых материалов, “заключенных” в протоколах курий, для XVI в. мы в наших библиотечных фондах практически не имеем,⁴⁶ а, следовательно, не можем и писать о том, о чем не знаем. Сложен потому, что не имеем мы их в достаточном количестве (как и наши коллеги за рубежом) видимо, отнюдь не случайно. Действительно, чем можно объяснить то обстоятельство, что к “излету” Средневековья в манориальных куриях становится меньше

⁴⁴ До сих пор мы рассматривали обычай более всего в качестве “материального права” обычного держания.

⁴⁵ Court Rolls of the Manor of Bruces, Dawbeneys, Pembrokes: 1377 – 1399 // Manor of Tottenham Series. Tottenham, 1961. См.: Винокурова М.В. Преступления и наказания в английском маноре конца XIV в. // Право в средневековом мире. Спб., 2001. С. 37 - 47.

⁴⁶ Надо сказать, что библиотеки и архивы Англии, как я уже упоминала, тоже не изобилуют этим типом источников, особенно для периода раннего Нового времени. В качестве подтверждения могу сослаться на собственный опыт работы в Библиотеке Бирмингемского университета, являющейся одной из лучших и содержащей в своих фондах (в виде копий) практически все источники, имеющиеся в Лондоне, в Государственном Архиве Англии (Public Record Office). Проработав в Отделе рукописных источников и Отделе редкой книги этой библиотеки в течение весьма длительного

документов, отражающих, в частности, “полицейскую” роль обычая? Может быть, это связано как раз с теми процессами, которые свидетельствовали в указанную эпоху о насильственной деформации обычая манориальными лордами с помощью тех “рычагов”, о которых уже упоминалось выше и значение которых нам еще предстоит показать далее на конкретном материале? Ведь, по сути, в связи с фактами, свидетельствующими о практической узурпации лордами владельческих прав держателей по обычаю (“взвинчивание файнов”, перевод на аренду, изменение статуса держаний, огораживания, прямой захват земли копигольда со стороны горожан, а особенно – джентри), они именно с конца XV в., как показал А.Н.Савин, изучавший английскую деревню эпохи Тюдоров, начинают апеллировать (и продолжают в последующем) в суды общего права и королевские суды Справедливости. Конечно, крестьяне видят мало справедливого со стороны этих судов, но, тем не менее, они начинают туда обращаться. Почему? Да, видимо, именно потому, что в практической жизни своих маноров, и не в последнюю очередь в сфере судебных разбирательств с лордами внутри курий по поводу земельных “передвижек” или повышения файнов, они уже не могут надеяться на действенную защиту того самого обычая, который некогда поддерживал их прадедов. Отсюда – начало зарождения процесса постепенного перенесения этих разбирательств, связанных с “волюнтаристским поправлением” лордами некогда зафиксированных обычаем материальных условий держаний, под сень общего закона страны; процесса, ведущего, скорее, не к рецепции обычая этим законом, а, по моему мнению, к имитации этой рецепции⁴⁷, что, как было отмечено выше, в

времени, я не смогла обнаружить в ней, даже с помощью весьма компетентных архивистов, достаточного количества искомых протоколов для XVI – XVII вв.

⁴⁷ Представляется, что тезис о рецепции манориального обычая судами общего права Англии, высказанный в свое время А.Н. Савиным, требует некоторой корректировки, и прежде всего потому, что, как показал сам же Александр Николаевич, скрупулезно работавший в указанной области, суды общего права принимали, но полноценно не рассматривали жалобы обычных держателей, таким образом, лишь имитируя стремление пойти навстречу крестьянству в деле поддержки его притязаний на ведение самостоятельного, не зависящего от воли господина, хозяйства.

предреволюционную эпоху вполне входило в представления господствующих классов о стратегии отношений с крестьянством.

Итак, английское крестьянство XVI – XVII вв. действительно пребывало на распутье между влиянием на него, с одной стороны, общего права страны, с другой – местного, манориального. Местное право, пожалуй, уже не могло полноценно защитить крестьянина (отсюда и уменьшение количества судебных разбирательств “локального масштаба”⁴⁸, а, следовательно, и документов, их отражающих); общее право, выражая волю господствующих классов, было к этому не готово (впрочем, как и прежде), хотя, казалось бы, лицемерно и пыталось выразить свою готовность.

Теперь, когда, как кажется, я объяснила, почему мы должны из XVI века на некоторое время перейти в век XIV, мне бы хотелось вместе с читателем совершить этот переход. Итак, средневековая Англия, группа маноров Тоттенхем, время правления Ричарда II... Проблема преступлений и наказаний в том далеком, наполненном тревожными повседневности, крестьянском мире...

Каковы же были виды “преступлений” внутри английского манора указанного времени?

Наиболее часто в манориальных протоколах фиксировались нарушения предписаний курии, связанные с нежеланием крестьян выполнять различные повинности внутри манора. Самым распространенным явлением этого плана в быту было стремление избежать чистки канав и выгребных ям. Манориальные протоколы буквально испещрены списками тех, кто уклонялся от такой, надо признать, не слишком приятной, работы. Так, из 880 держателей, зафиксированных в документах, подобную “промашку” допустили 375 человек (около 43%), причем многие из них – неоднократно.

⁴⁸ Еще раз подчеркнем, что речь идет прежде всего о “разбирательствах” дел, основанных на функционировании обычая как местного “материального права” английского крестьянства (земля, ренты). Что касается роли обычая как инструмента местной полицейской юрисдикции, то он всегда исходил из принципа “разумности” в своем стремлении относительно образцово организовать повседневную жизнь манора и очень

Как правило, в документах указывается размер такой канавы в перчах (обычно от двух до восьми) и размер штрафа, налагавшегося за указанный проступок. Штраф обычно колебался от 2-х до 6-8 пенсов, а его высота зависела от двух факторов: имущественного положения крестьянина и степени его близости к манориальной администрации. Кстати, в данном случае не прослеживается обратной зависимости между тяжестью провинности и наказанием за нее, как это приходилось, например, наблюдать в манорах юго-западной Англии XVI в., когда бедные переплачивали, а зажиточные – не доплачивали штрафы и ренты относительно уровня их материального благополучия. В XIV веке все же больший штраф платил тот, кто был побогаче. Это, по всей видимости, лишний раз служит доказательством того, что в то время внутриманориальный закон был более или менее справедлив к бедным, особенно в тех случаях, когда речь шла о незначительных проявлениях в мире повседневного. Но все же с рядового виллана за указанную провинность в курии брали более высокий штраф, чем, скажем, со старосты или лесника за одностипное нарушение – ведь они входили в администрацию манора или были приближены к ней.

Другой распространенной провинностью считалась неявка в суд (курию) для принесения феодальной присяги лорду и выплаты ему файла. Весьма странно, но штраф за неповиновение такого рода был относительно невысок; он составлял, как правило, два пенса и не зависел от имущественного облика держателя (или его принадлежности к той или иной юридической категории: виллан и фригольдер платили одинаково). Возможно, для администрации манора принесение присяги крестьянином носило в то время уже более номинальный характер, чем, скажем, во времена феодальной реакции XIII в.; что касается файлов, то мы знаем, что они выплачивались не ежегодно, а лишь при вступлении в держание – ежегодно надо было лишь подтверждать присягу, а поскольку это

часто поэтому не был склонен, как мы это увидим, поощрять дестабилизирующую нормальное течение жизни крестьянскую “поведенческую анархию” внутри манора.

действие не было связано с финансовыми поступлениями в казну курии, то на отсутствие такового, видимо, просто закрывали глаза. Гораздо важнее были поступления в бюджет манора ежегодных рент, за задержку которых и наказывали строже: увеличивали отработочные повинности. Хотя примеры такого рода совсем немногочисленны; очевидно, ренты лорду поступали относительно стабильно. Иногда лорд давал освобождение от обязанности посещать манориальную курию за уплату специального фэйна в 4-6 пенсов. Однако такие явления нечасты, и причины благоволения лорда к отдельным держателям не указываются.

В протоколах курий встречаются также отдельные случаи, связанные с нарушением обычая в передаче земли. Как правило, согласно обычному праву (и об этом мы уже имели возможность упомянуть выше), крестьянин передавал землю другому лицу только через лорда как верховного собственника земли. С другой стороны – обычай предписывал лорду передавать землю только тому лицу, на которое укажет держатель. При передаче земли очередному лицу через руки лорда (так называемой реверсии) обычно строго соблюдалась процедура: новый держатель приносил лорду присягу, платил ренту и фэйна, а взамен получал либо копию манориального протокола, фиксирующего его ввод в держание (в случае копигольда), либо (в случае вилланского состояния⁴⁹) – составление протокола сопровождали прут или соломинка, существовавшие в качестве символов ввода в держание еще со времен варварских правд и символизирующие зависимость крестьянина от господина. Таковы были правила. И, тем не менее, эти правила нередко нарушались. Например, некая Кристина Хейл летом 1381 г. без ведома и разрешения лорда отчуждает часть своего участка (размер которого, к сожалению, не указан) и амбар своему соседу Джону Боттервику.⁵⁰ Рассерженный лорд лишает Джона его

⁴⁹ Чуть ниже мы более подробно займемся проблемой различий между вилланами и копигольдерами, которая кажется наиболее интересной в применении к Англии периода раннего Нового времени.

⁵⁰ Court Rolls... (Manorial Rolls: MR). Vol. I, P.49, 76.

приобретения (ведь нарушен обычай, но что еще более “ужасно” – у него, как у лорда, не испросили разрешения на “сделку”). Он вызывает Кристину к себе (обычно в таких случаях доверялось наводить порядок бейлифу или стюарду), рассерженно заявляет, что земля – это его собственность навечно и что право распоряжаться ею принадлежит только ему. Он налагает на крестьянку штраф 40 шиллингов, а также лишает Кристину и ее детей земли, амбара, а заодно – и сада. Однако семейство Хейлов все же не выселяют из манора, а заставляют выполнять все вилланские службы на земле лорда, что особенно подчеркивается в протоколах.

Далее. Манориальный обычай требовал от крестьян жить внутри границ самого манора, а не за его пределами (это особенно подчеркивается в документах; и в этом одно из совпадений действия обычая и воли лорда; в данном случае эти два важных фактора не противоречили друг другу). Однако указанное требование также нарушалось, хотя и нечасто. Например, некий Ричард Пейдж, виллан по рождению, в 1391 г. покинул манор Добени и без разрешения лорда поселился вблизи местечка Шордич, не входящего во владения лорда. Он был оштрафован и получил указание вернуться на старое место жительства. Однако Ричард не проявил, очевидно, должного послушания, так как спустя пять лет, в 1396 г., в протоколах опять появляется запись о его проживании вне манора.⁵¹

На сей раз, очевидно, помимо штрафа были применены какие-то более жесткие меры воздействия, так как в дальнейшем крестьянин Пейдж фиксируется в документах как держатель, проживающий в маноре.

Еще более интересен случай с братьями-вилланами по фамилии Абрахам, которые в манориальных протоколах отмечены как “мятежные вилланы”. В сентябре 1392 г. на состоявшемся в маноре Добени заседании манориальной курии было принято специальное решение в отношении братьев Джона, Уолтера, Ричарда - старшего и Ричарда-младшего Абрахамов, а также в отношении держателя Ричарда Арнольда,

⁵¹ Op. cit., MR 20. Membr. 5. P. 152.

пользовавшихся в маноре репутацией “мятежников” и не желавших жить на земле своих отцов “по обычаю и согласно воле лорда”. Им было предписано, с их семьями и имуществом, служить лорду манора в том месте, где он пожелает. Все вилланы, кроме Уолтера Абрахама, заявили в курии, что не желают подчиняться ни обычаю, ни лорду. За неповиновение двое из них, Ричард-младший и Джон, были увезены в Шордич и брошены в тюрьму. Не выдержав испытаний, а также вняв увещаниям бейлифа Лондонского епископа (неизвестно, находился ли он в Шордиче или прибыл из Лондона специально, что маловероятно – слишком много чести для вилланов!), Джон и Ричард покаяться, признали себя навечно вилланами лорда, получили его милость и разрешение вернуться домой в Добени. Они были доставлены в манор, где в курии униженно молили о прощении, принесли лорду присягу и поклялись жить в маноре согласно “обычаю и воле нашего господина”, как записано в протоколе.⁵² Однако, несмотря на раскаяние, братья были примерно наказаны, заплатив на двоих огромный штраф в 100 шиллингов. Где была взята столь крупная сумма, на которую в то время можно было приобрести, например, 20 коров, в документах не указывается. Кстати, судьба двух других мятежных вилланов (Ричард Абрахама-старшего и Ричарда Арнольда осталась неизвестной – источники на их счет умалчивают).

А вот законопослушный Уолтер Абрахам, признавший в суде за лордом и обычаем право определять место поселения виллана, добился у своего господина разрешения переехать в Лондон с целью заняться торговлей. Такое разрешение было дано, однако, лишь на семилетний срок, к тому же с условием: каждый год в Духов День (on Whitsun Monday) являться в манор и платить в курии 5 шиллингов (что Уолтер регулярно и делал впоследствии) – т.н. “откуп” за право поселиться вне манора, “что является обычным для вилланов”, как подчеркивается в источнике.⁵³ Неясно, правда,

⁵² Op. cit. Membr. 9. P. 130.

⁵³ Op. cit. Membr. 10. P. 128.

каков был срок давности этого обычая (для данной местности размер “откупа” повсюду, во всех манорах и деревеньках, составлял именно 5 шиллингов) – платить специальный взнос за право поселиться вне манора. Он мог быть и “не старше вчерашнего дня”, как писал А.Н. Савин по поводу практики введения лордами маноров так называемых “новых обычаев” с целью повышения доходности своих имений. Однако “новые обычаи” были все же более характерны для английской деревни XVI в. Думаю, что в веке XIV эта практика еще не была слишком распространена.

Мы только что наблюдали на примерах, что в повседневной жизни английского манора конца XIV в. требования обычного права зачастую совпадали с правом господина, причем в определении одной из важнейших норм внутриместной жизни: обязанности крестьянина жить в границах манора, чем достигалась цель наиболее полно реализовать все формы рентных отношений между феодалом и крестьянином. Обычай в этой сфере, был, очевидно, еще недостаточно самостоятелен; возможно, он еще не сложился настолько, чтобы вполне регулировать указанную сферу отношений между крестьянином и господином. Повторю, что сферой наибольшей “самостоятельности” и независимости обычая от воли лорда в то время была все же сфера регулирования рентных обязательств крестьянства – именно в ней манориальный обычай достиг наибольших высот...

Существовала и еще одна сфера совпадения господского права с обычаем манора (во всяком случае, характерная для группы маноров Тоттенхэм). Речь идет о таких “преступлениях” как незаконные женитьбы, они же – женитьбы без разрешения лорда. Согласно обычаю данной местности, держатель, который хотел создать семью, не мог сделать этого без разрешения господина. Подчеркнем, что решение этого вопроса без участия лорда и в принципе было невозможно в средневековой английской (и не только английской) деревне, где все еще сохранялись формы личной зависимости крестьянина от феодала; однако особенность нашего региона состоит в том, что право господина в данном вопросе подкреплялось еще и

внутриманориальным правом. Так вот, “в соответствии с волей лорда и обычаем манора”, держатель должен был уведомлять лорда о своем намерении жениться. Однако у нас имеются несколько случаев, когда это предписание не было соблюдено. Наиболее показательный из них – случай женитьбы копигольдера Джона Тейлора из манора Добени на Джоан, дочери Джона Абрахама, без разрешения лорда, которое он, согласно обычаю, должен был получить в манориальной курии. Этот случай показателен в том плане, что наши источники фиксируют и наказание за свершенное преступление: Джон был вынужден выплатить 40 шиллингов штрафа за незаконную женитьбу, что он, очевидно, не без труда, и сделал. Судя по значительной сумме штрафа, указанный проступок, считался, видимо, очень серьезным нарушением; ведь нарушались одновременно и обычай, и господское право.

К разряду серьезных преступлений внутри манора относились и те, которые можно было квалифицировать как “посягательство на имущество лорда”. Речь шла прежде всего о посягательстве на недвижимость. Так, летом 1387 г. трое злоумышленников (Джон Хант, Джон Эдрич и Томас Эдрич) в течение суток срубили 18 дубов в лесу, принадлежавшем их господину (манор Брюс), за что, как зафиксировано в протоколах, уплатили большой штраф, размер которого, однако, не указан.⁵⁴ Роберт Чапмен, незаконно увезший несколько охапок прутьев из леса лорда, был оштрафован на целых 2 шиллинга! В 1380 г. виллан Томас Тейлор также нанес ущерб лорду, загрязнив принадлежавший ему пруд и передвинув изгородь вокруг этого пруда вместе с привязью для животных, за что и вынужден был заплатить крупный штраф.⁵⁵

Особенно часты были потравы в угодьях лорда. Так, вилланы нередко запускали своих домашних животных в господские луга и дубравы. Высота штрафа за такой проступок определялась очень интересными факторами:

⁵⁴ Op. cit. P.30, 40.

⁵⁵ Op. cit. P. 62.

типом угодий и видом домашнего скота, совершившим потраву. Так, за потраву в дубраве взыскивали менее строго, чем на пастбище лорда, специально засевавшимся травами для выпаса животных из господского стада. Например, крестьянин Джон Фуллер, выпустивший двух своих коров на пастбище лорда летом 1385 г., заплатил за этот проступок целых два шиллинга, в то время как его соседи Джон Малтон, Томас Эдрич и Джон Эдрич за идентичную провинность в господском лесу – лишь по 8 пенсов.⁵⁶ За потраву бычком платили обычно в качестве штрафа 2 пенса, коровой 1 пенс, свиньей – 2 пенса, а лошадью – целых 4.

Нередкими были также покушения не только на господские угодья, но и на движимое имущество лорда. Так, зимой 1387 г. в манориальной курии было проведено расследование по делу о краже имущества господина неким Роджером Меркейтом, вилланом по происхождению, присвоившим себе две оловянные сковороды с кухни господского дома и один мельничный жернов, а также выломавшего дверь и оконную раму все в той же кухне. Странно, но на вора не был наложен привычный штраф за проступок; ему лишь было вменено в обязанность вернуть украденное имущество хозяину через посредство старосты Ричарда Карпентера.⁵⁷

Вилланы уводили также и господский скот. Так, летом 1379 г. (месяц не указан) держатель манора Брюс Джон Мор явился в деревню с 8 поросятами, украденными у графини Пемброк в ее части Тоттенхэма. Шесть поросят были проданы Джоном Мором соседу Томасу Даку за 5 шиллингов, а двух других он отдал за бесценок своему родственнику в соседнем маноре. Наказание за этот проступок в протоколах курии, к сожалению, не указано. А вот Джон Уэйнер, укравший в маноре Пемброк у леди 33 овцы и не вернувший их, был оштрафован в манориальном суде на 10 шиллингов.⁵⁸

Случалось, что кражей не брезговали и представители администрации манора. Так, в июне 1377 г., в пору сенокоса, у графини Пемброк были

⁵⁶ Op. cit. P. 17.

⁵⁷ Op. cit. P. 36.

похищены две копны сена, и не кем-нибудь, а старостой манора (как бы расстроился Флета, призывавший их к безупречному поведению!), заплатившим, правда, за этот проступок в курии штраф в 2 шиллинга. Однако графиня не осталась в долгу, и в том же месяце по ее приказанию на лугу старосты была выкошена трава на сумму, как указано в протоколах, на сумму в 10 шиллингов!⁵⁹

Но наиболее поразительный случай, касающийся кражи господского имущества, был связан опять-таки с именем простого виллана. Летом 1380 г. некий Уолтер Клерк, виллан по рождению, украл у графини золотое кольцо стоимостью 5 шиллингов, распятие стоимостью 20 шиллингов, серьгу (почему-то одну), стоившую 18 пенсов и пару шпор за 6 пенсов. Он был схвачен и препровожден в Ньюгейтскую тюрьму, где и должен был отбыть заключение, сроки которого, к сожалению, не указаны. Не думаю, что преступник был осужден местным, манориальным, судом (на это нет указаний в протоколах). Однако, будучи вилланом, он не мог подлежать и юрисдикции суда общего права. Возможно, в данном случае Уолтер Клерк был брошен в тюрьму без суда и следствия, как это нередко случалось с вилланами при совершении ими особо тяжких преступлений. И тогда никакой обычай не мог защитить преступника. К тому же обычай, как правило, исходил из норм “разумности”; он защищал крестьян в тех случаях, когда это являлось действительно разумной необходимостью, чего явно нельзя увидеть в приведенном нами примере.⁶⁰

Вообще обычай предписывал всем крестьянам вести добродетельный образ жизни; он поистине являлся этическим регулятором норм внутриместной жизни. Так, не поощрялись, например, ссоры и драки, сквернословие (особенно сквернословие в суде), пьянство, несвоевременные выплаты долгов, внебрачные отношения и т.д. Между тем все эти нарушения в повседневной жизни английского манора были более чем многочисленны.

⁵⁸ Op. cit. P. 74.

⁵⁹ Op. cit. P. 69.

Так, например, из манориальных протоколов явствует, что в особенности члены деревенской общности страдали от неаккуратности во взаимном погашении долгов. Страницы протоколов буквально испещрены взаимными жалобами и упреками держателей по этому поводу. Вот несколько примеров. Весной 1390 г. в курию манора Брюс пришел виллан Уильям Пернелл с жалобой на своего соседа Ричарда Тейлора, также виллана. Уильям заявил, что названный Ричард задолжал ему 4 шиллинга и 4 пенса за пастбище, приобретенное два года назад, но до сих пор не вернул долга. В тот же день виновный был вызван в курию, где признал свою задолженность и заплатил за свой проступок штраф 2 пенса (протокол умалчивает, был ли погашен долг). Таких примеров очень много. Как правило, наказанием за подобные проступки был штраф, не превышавший 2-3 пенсов.⁶¹

Однако встречаются также случаи частичного погашения долгов (наряду с уплатой штрафа). Так, держатель Уолтер Пейдж жалуется на семейную пару (Элис и Ричарда Эдрич) за то, что они должны ему 6 шиллингов в качестве арендной платы за 0,5 акра пашни, которую эти двое возделывали в течение 18 (!) лет. Состоялось заседание курии, специально посвященное этому случаю долговременной межкрестьянской аренды, на котором Эдричам было предписано полностью выплатить Уолтеру Пейджу искомые 6 шиллингов. Однако состоялась выплата лишь половины суммы. По неизвестным причинам долг так и не был погашен полностью.⁶²

Два раза в год (а иногда только один раз), согласно обычаю, в маноре назначались специальные Судные дни, когда в курию, по большей части добровольно,⁶³ приходили все, виновные в невозвращении долгов, признавали свои прегрешения, гасили долги и выплачивали штрафы. Так

⁶⁰ Op. cit. P. 213.

⁶¹ Op. cit. P. 185, 192, 215, etc.

⁶² Op. cit. P. 47.

⁶³ Однако эта “добровольность” была принудительной, то есть тоже основывалась на воздействии обычая, который, из года в год инициируя повторяемость этих посещений

произошло, например, с вилланом Бенедиктом Мэлтмэном, который выплатил Джону Алейну 18 пенсов за меч, приобретенный у последнего за год до описываемых событий. Бенедикт заплатил за свой проступок штраф в 3 пенса. В тот же день была погашена задолженность в размере 3-х шиллингов (с уплатой штрафа в 3 пенса) и неким Джоном Фуллером, виновном в сносе дома на арендуемом у соседа участке.⁶⁴

Не менее частыми были и так называемые “межкрестьянские” кражи, за которые, согласно манориальному закону, также следовало наказание в виде штрафа. Обычными были кражи домашних животных, птицы, домашней и кухонной утвари, летом – сена, фруктов. Вырубали также фруктовые деревья в садах друг у друга. За проступки подобного рода в курии назначали штраф в 2-3 пенса.

Отдельно штрафовали за драки и сквернословие; причем за ссоры и ругань на улице полагался штраф в 3 пенса, тогда как за подобную провинность в помещении манориальной курии взимали уже 6 пенсов. Так, некая Маргери Тейлор выплатила штраф в 3 пенса за то, что обругала проходившего мимо ее дома калеку, в то время как Томас Дак и Джон Фуллер, бранясь и сквернословя в курии по поводу долговых обязательств, пополнили бюджет манора на сумму 6 пенсов каждый.⁶⁵

Итак, мы видим, насколько вездесущ и пристален был манориальный закон, регулировавший не только рентные обязательства и отношения по поводу наследования земли, но и повседневность английского крестьянина в мельчайших ее проявлениях.

Перед нами – картина крестьянского мира в его переходном состоянии. В группе маноров Тоттенхэм еще не до конца “изжито” вилланство, но в то же время мы наблюдаем не полностью сложившийся копигольд. Отсюда, из переходного состояния статуса держаний, очевидно, проистекает и весьма

курии, видимо, действительно придавал им характер действий, совершаемых по доброй воле.

⁶⁴ Court Rolls, Vol. II. P. 18, 54.

⁶⁵ Op. cit. P. 71-72.

своеобразный характер манориального обычая, его двойственная природа в деле защиты прав обычных держателей. Видимо, обычай здесь еще не сложился полностью для эффективной защиты держателей (недаром его нормы нередко совпадают с проявлениями воли лорда).

С другой стороны, подчеркнем это еще раз, *обычай и не должен был “огульно” защищать крестьян; в том-то и проявлялась его “разумная” роль, что он минимизировал немотивированную поведенческую распущенность крестьянства внутри манора, коей так богата была его повседневная жизнь; обычай, как мы только что убедились, действительно играл роль этического регулятора этой жизни.*

Далее. Рассуждая о роли обычая в жизни крестьянского мира Тоттенхэма, я упомянула о переходном состоянии этого мира, о наличии в нем еще не полностью “изжитого” вилланства и не вполне сложившегося копигольда. В пользу вилланского держания и состояния в Тоттенхэме свидетельствует наличие значительного количества низких служб (то есть большой доли полевых работ, а не более “продвинутых” форм ренты); к тому же держатели в протоколах чаще именуется вилланами, чем копигольдерами, а при передаче земли упоминаются прут и соломина, “противополагавшиеся” не копии, а простому письменному акту. Но в то же время о копигольде свидетельствует уже в достаточной степени сложившаяся и успевшая стать вполне массовой процедура отчуждения земли в курии с последующей выдачей крестьянину *копии* манориального протокола.

Вот эта проблема соотношения между вилланством и копигольдом представляется очень важной исследовательской проблемой, которой до сих пор почти не уделяла внимания отечественная историография.

Часть 6. Кто такие “последние вилланы” в Англии XVI в.?

Выше уже упоминалось о том, что институт копигольда в Англии пришел на смену вилланству именно в XIII – XIV вв., в период перехода к денежной форме феодальной ренты и являлся юридическим выражением

владельческих прав английского крестьянства; он знаменовал собой переход от домениального к крестьянско-парцеллярному хозяйству. Замена барщины и продуктового оброка денежной рентой (коммутация) стала для подавляющей массы крестьянства фактическим освобождением, уничтожив самую основу их несвободного положения – работу на домене лорда. Что же касается исчезновения личной крепости, то “средний класс вилланов”⁶⁶, т.е. держателей типичной виргаты или чуть более, освобождался от этой крепости на протяжении XIV-XV вв. в основном путем манумиссий (отпуска на волю на основании грамоты, за выкуп) и побегов.

Однако исчез ли окончательно к XVI в. этот наиболее многочисленный и, может быть, наиболее важный в прошлом класс средневекового общества? Говоря об этой эпохе, мы нередко модернизируем ее, подчеркивая лишь то обстоятельство, что английская деревня “была полна копигольдеров”, считая даже их наличие чуть ли не анахронизмом и сравнивая их положение с “новыми пришельцами” (арендаторами, фермерами), но никак не с положением “последних вилланов”. И остается почти неизвестным, что представляли собой “остатки” этого многочисленного в прошлом класса в XVI в. и чем они отличались от обычных держателей, тоже не пользовавшихся большой свободой своих прав...

Этим вопросом когда-то занимался А.Н.Савин, специально посвятивший ему целую главу в своей работе “Английская деревня в эпоху Тюдоров”. Но с тех пор (книга, как известно, вышла в 1903 г.) ни в отечественной, ни в зарубежной литературе данная проблема, то есть проблема “последнего вилланства” (остатков вилланства) в Англии раннего Нового времени, практически не затрагивалась. Между тем ее разработка могла бы вскрыть дополнительные подробности из жизни крестьянского мира этой страны указанного периода и внести определенные нюансы в разработку вопроса о дифференциации крестьянства.

⁶⁶ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С.46.

Анализируя количественный состав “последних вилланов”, в различных манорах Англии XVI в., А.Н. Савин пишет следующее: “Трудно думать, чтобы в начале эпохи Тюдоров вилланы составляли более 1% всего населения”.⁶⁷ Он считает (и весьма правомерно), что “настоящая статистика населения XVI в. невозможна”⁶⁸, но, к сожалению, не приводит цифр, свидетельствующих о том, какую *часть* составляли вилланы от населения каждого из изученных им маноров, как не указывает и общую численность этого населения в эпоху Тюдоров. Поэтому соотношение числа вилланских семей с общей численностью людского состава в манорах XVI в. у Савина остается неизвестным. По его данным, среднее количество последних вилланских семейств в типичном маноре XVI в. равнялось 1-3 (лишь в отдельных, очень редких случаях, эта цифра достигала 16-17). Общее же число семейств в маноре, по моим многочисленным наблюдениям (собственным и основанным на литературе) составляло в среднем для XVI в. цифру 30-40 (при площади “типичного”, около 2000 акров, манора). Исходя из этого, могу предположить, что доля вилланских семей в “общеанглийском” маноре эпохи Тюдоров, по данным Савина, составляла 5-6%.

Отметим, что сведения о “последних вилланах” в манориальных описях различных графств Англии. Эти описи дают довольно точное представление о составе вилланских семей, причем члены этих семей и в XVI в. продолжают именоваться в них вилланами, бондменами или “нативам”. По большей части, описи подразделяют вилланов на семьи из двух поколений (три поколения в ту пору не часто соединялись в одну семью) и перечисляют отцов и детей. Матери не входят в описи по своей бездоходности для лорда (они не платили ренты, пребывая в замужнем состоянии). Но в описи вносятся вдовы, если они держат землю “на праве вдовы” (т.е. являются

⁶⁷ Савин А.Н. Указ соч. С.7.

⁶⁸ Там же, С. 19.

самостоятельными держателями до нового замужества), а также крепостные женщины, вышедшие замуж за свободных.

На основании работы с манориальными описями по Юго-Западной Англии⁶⁹ выяснилось, что в этом регионе в XVI в. также сохранялись семьи “последних вилланов”. Опись владений графов Пемброков за 1566-67 гг. фиксирует по 1-2 вилланских держания в некоторых манорах этого обширного поместного комплекса. Данные по этому вопросу представлены в таблице № 24.

Таблица 24. Численность “последних вилланов”

Название манора	Общее число семей держателей	Число семей “последних вилланов”	% к общему числу держателей
1. Bulbridge	40	2	5,5
2. Broad Chalke	61	2	3,3
3. Dinton	45	нет	-
4. Fuggleston	36	2	5,5
5. Stanton Bernard	21	нет	-
6. West Overton	17	1	5,9
7. Wilton	82	нет	-
8. Wyaly	31	2	6,4
9. Olvediston	13	1	7,6
10. Bishopston	21	1	4,8
11. Chilmark	32	2	6,3
12. Burcombe	18	1	5,5
Итого:	417	14	3,3

Как следует из таблицы, число вилланов в манорах Пемброков, казалось бы, было совсем невелико – всего 14 семейств из 417. Для крупного манориального комплекса, каковой и составляли владения Пемброков, этой действительно немного. Но не забудем, что речь идет не о XIII-XIV вв., а о веке XVI. Кстати процентное отношение семейств “последних вилланов” в Уилтшире XVI в. (где находились указанные владения) к общему количеству держателей различных юридических категорий ненамного ниже моих же подсчетов по данным Савина – оно составляет, правда, по всему комплексу

⁶⁹ Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566-67 // Ed. by Ch. Straton. Oxford, 1909.

маноров не 5-6%, а 3,3. Однако в отдельных манорах эта цифра выше (см. таблицу). Трудно сказать, каков был состав семей этих “последних вилланов”, но вообще крепостные, как известно, не женились рано и их семьи были невелики, редко более 3- 4 человек. С учетом этого обстоятельства общее число вилланов (взрослых и детей, мужчин и женщин), по моим данным, могло равняться, согласно описи 1566-67 гг., 42 (при составе семьи в три человека) или 56 (при соответствующем составе в четыре человека). Много это или мало, трудно сказать – смотря какие критерии иметь в виду. Для XVI в. и всего для 12 маноров это, по-моему, не так уж мало и указывает, по справедливому выражению А.Н.Савина, “на большую живучесть манориальной системы”⁷⁰ (в данном случае манориальная система, безусловно, означает систему личной крепости).

Итак, в английской деревне XVI в. наряду с массой копигольдеров (их доля в общем составе крестьян составляет по Юго-Западу Англии более 70%) живут и потомки средневековых вилланов. Развитие копигольда, как мы видим, тесно связано с упадком вилланства; однако в историографии обычно подчеркивается лишь отличие весьма многочисленного зависимого класса английского крестьянства (копигольдеров) XVI в. от более привилегированных категорий сельского населения. В частности, проводятся параллели и разделительные линии между обычными и свободными держателями (фригольдерами).

В этой связи хотелось бы поставить и попробовать разрешить практически не исследованную проблему:⁷¹ каковы были различия юридического и социально-экономического статуса обычных держателей и “последних вилланов” XVI в.?

На первых порах складывается впечатление, что различие только одно: в текстах описей и протоколов курий обычные держатели определяются как “copyholders” или “customary tenants”, а потомки крепостных крестьян – как

⁷⁰ Савин А.Н. Указ. соч. С. 19.

вилланы или бондмены. Казалось бы, и те, и другие платят ренту, фэйн, гериот, выполняют другие повинности. Значит, различие между ними только терминологическое?

Это далеко не так. С юридической точки зрения, главной “пробой”, которая может быть приложима к держаниям этих статусов, являлась *копия* манориальных протоколов. У виллана XVI в. нет документа на ту землю, которую он держит от лорда, как не было такого документа у его прапрадеда в XIV в. Виллан XVI в. держит надел целиком “на воле лорда” (недаром в описях этого времени он иногда квалифицируется как *tenant at will*). Однако не надо думать, что в протоколах курий вилланы вообще не регистрировались. Нет, конечно, запись в протокол о вступлении в держание вносилась и в XVI в., но вот только письменное свидетельство об этом “на руки” виллану, как человеку лично несвободному, не выдавалась. Вилланское держание в XVI в., как и прежде, было “одноразовым” – оно не могло (в теории) передаваться по наследству или доставаться тому лицу, на которое укажет держатель (как это, согласно обычаю, могло быть в случае копигольда); регистрация такого держания в курии все еще нередко сопровождалась соломинкой. Итак, соломинка вместо копии!

Обычный же держатель времени Тюдоров мог, в отличие от виллана, держать землю по копии, будучи лично свободным и находясь от лорда лишь в поземельной зависимости. К XVI в. сложилась и, как мы отмечали выше, стала достаточно массовой процедура отчуждения земли посредством сдачи и допуска в манориальной курии с последующей выдачей копигольдеру копии протокола, в котором делалась собственно запись о допуске к держанию. Итак, у копигольдера, в отличие от виллана, имелся пусть не подлинный, а вторичный (скопированный), но все же документ на землю, представлявший формально-юридическое основание держания. Поэтому копигольдеры, в отличие от вилланов, могли отчуждать землю, хотя и не

⁷¹ См. также: Винокурова М.В. Кто такие “последние вилланы” в Англии XVI в? // Средние века. М., 2001. Вып. 62. С. 84 - 95.

сами, а “проводя” ее через руки лорда. В обычае отчуждения копигольдерского держания сохранялось, конечно же, много дофеодалных черт. Отчуждавший должен был приходиться в курию и сдавать землю лорду, который принимал участок и через определенный обычаем срок (это мог быть день, неделя или месяц – в каждом маноре существовали свои традиции) передавал копию новому или (при возобновлении копии) этому же лицу. Все это не было лишь формальностью. Сдача прерывала держание, а новый хозяин, естественно, вносил за ту же землю вступной файн. Кстати, при передаче “обычной” земли в руки копигольдера в XVI в. также нередко присутствовали соломинка или прут – символы, сохранявшиеся со времен “варварских правд”; только у вилланов они *заменяют* копию, а у копигольдеров – *сопровождают* ее.

В XVI в., как и прежде, оба вида держаний (и копигольд, и “остатки” вилланства) представляли из себя держания “на воле лорда”. Однако копигольд выгодно отличался тем, что он был еще и держанием “по обычаю манора”. Обычай манора в теории должен был защищать от проявлений “злой” воли лорда прежде всего копигольдеров. Однако на практике его влияние распространялось, конечно же, и на вилланов, что сказывалось прежде всего в выплате в XIV – XV вв. обеими категориями твердых, фиксированных рент и относительно постоянных файнов, которые не должны были превышать, как уже указывалось, двухгодичного дохода с земли. Но уже в XVI в. обычай защищает, по всей видимости, в большей степени копигольдеров, а не “последних вилланов”. Так, представители 8 (из 14) семейств вилланов, которые живут на землях Пемброков в 60-е гг. XVI в., за идентичные участки земли платят более высокие файны и ренты, нежели обычные держатели этих же маноров (см. таблицу № 25).

Таблица 25. Ренты и файны копигольдеров и “последних вилланов”

Название манора	Вилланы	Площадь (акр.)	Рента (пенсы)	Файн (фунты)
1. Bulbridge	Стефан Эплфорд	45	63	4,0
2. Broad Chalke	Роберт Гров	23,5	40	2,5

3.Fuggleston	Томас Гуд	58	120	5,2
4.Wyaly	Эдуард Горнси	9,5	24	1,5
5.Chilmark	Мэри Витуайт	18	33	2,0
6.Olvediston	Агнесса Кенфик	30	56	2,04
7.Burcombe	Кристина Бейм	64	196	3,0
8.Bishopston	Томас Колмен	5	13	0,5
8	8	253	545	22

Название манора	Копигольдеры	Площадь (акр.)	Рента (пенсы)	Файн (фунты)
1. Buldridge	Джон Вардок	43,5	36	2,5
2. Broad Chalke	Уильям Кент	25	29	2,0
3. Fuggleston	Ричард Шелби	55	90	5,0
4. Wyaly	Джон Арни	10,5	15	1,5
5. Chilmark	Роберт Голдинг	20	42	2,0
6. Olvediston	Генри Пикфорд	32,5	24	1,5
7. Burcombe	Томас Чейн	60,5	150	3,2
8. Bishopston	Джон Сандерс	5,5	9	0,2
8	8	252,5	395	17,9

Кроме того, в XVI в. копигольд, в отличие от позднего вилланства, начал приобретать “двойственную юридическую природу”: не переставая быть держанием на основании манориального обычая, он, ввиду частичной рецепции этого обычая, начинает, пусть и “иллюзорно”, становиться институтом общего права; в некоторых случаях обычные держатели эпохи Тюдоров добиваются охраны своих держаний со стороны королевских судов. Однако это происходило достаточно редко. Да и обычай, как мы отмечали, был к концу XVI в. уже значительно деформирован “коммерциализированной” волей лорда, он складывался “к невыгоде” обычных держателей, что особенно ярко выражалось в постоянно повышавшихся в десятки раз вступительных взносах.

Однако если в XVI в. у копигольдеров как у лично свободных иски в суды общего права все же принимались (хотя не всегда рассматривались, либо рассматривались не в пользу истца – держателя), то “поздние вилланы” были лишены такой привилегии.

У нас нет или почти нет документов, свидетельствующих об обращении вилланов в суды общего права. И если в XVI в. в Англии обычные держатели выдвигали требование превращения копигольда во фригольд, то

“последние вилланы” не могли даже и мечтать о том, чтобы превратиться из “подданных” лорда манора в подданных короля. Если уж копигольдеры, ведшие постоянную борьбу за землю и обычную ренту, не смогли добиться того, чтобы копигольд стал институтом общего права, то что можно сказать о “последних вилланах”, когда на них ни в малейшей степени не распространялась рецепция манориального обычая?

Что же общего было все-таки в положении обычных держателей⁷² (копигольдеров) и “последних вилланов”? Это “общее” относится прежде всего к повинностям той и другой групп сельского населения; сама идентичность этих повинностей свидетельствует о наличии исторической связи между вилланством и копигольдом, о происхождении последнего, как мы помним, “из низкого, но древнего дома”.

Общим было прежде всего наличие у обеих групп отработочных и натуральных повинностей. Копигольдеры Пемброков, так же как и “последние вилланы”, обязаны поставлять лорду каплунов, кур, яйца и мед, чинить моты и плотины, жать господскую ниву, косить траву на лугах лорда и даже обрабатывать своим плугом его домен. Но если этими “низкими” службами лорду были обязаны менее 20% обычных держателей в манорах Пемброков, то “последние вилланы” несут указанные повинности поголовно. Пропорция низких, “грязных”, служб среди держателей этой группы несколько выше: вилланы обязаны кроме обработки “остатков” господского домена (большая часть которого в XVI в. уже была сдана в аренду) вывозить также навоз и чистить выгребные ямы.

Далее, для обеих анализируемых групп в XVI в. были характерны относительно твердые и низкие, фиксированные обычаям данной местности годовые денежные ренты (что вообще, как нам уже известно, является главным показателем обеспеченности крестьянского держания). Наличие

⁷² В данном случае мы, не вдаваясь в тонкости терминологии манориального права, ставим знак равенства между обычными держателями и копигольдерами (собственно, в историографической практике, как уже указывалось, эти понятия традиционно считаются практически идентичными).

денежных рент в среде “последних вилланов” свидетельствует об укреплении и эволюции их социального статуса в маноре. Однако в обоих случаях степень этой обеспеченности, конечно же, понижали донельзя “взвинченные” вступные файлы.

Кроме того, общей чертой в материальном положении копигольдеров и “последних вилланов” было преимущественное распространение *срочного* (а не наследственного) держания. Держателями наделов всего лишь на срок жизни (или сроки жизней) являлись 88% копигольдеров крестьянского типа в уилтширских манорах графов Пемброков (в эту группу при подсчетах были включены и вилланы). А срочный характер держаний свидетельствовал о крайней необеспеченности крестьянства и был присущ, по моим наблюдениям, лицам с очень небольшими земельными наделами.⁷³

В практике поземельных отношений XVI в. встречались, кстати, случаи, когда могли закрепощать лично свободных держателей манора. Так, английский юрист и землемер А. Фицгерберт в своем трактате “Землеустройство” (1523 г.) пишет о том, что есть “много свободных, которых забирают в качестве крепостных, у которых отбирают землю и движимость, так как они не могут искать законной защиты и доказать свое законное происхождение. Так бывает чаще всего в тех случаях, когда свободные носят то же имя, что и крепостные...”.⁷⁴ Возможно, что речь идет о наиболее бесправной части обычных держателей – так называемых “срочных копигольдерах” или “нюгольдерах”, вопреки правовой теории державших копигольд на домене лорда (нередко по его же инициативе). Их права были “не старше вчерашнего дня”, так как их не защищало не только общее право, но и обычай манора. Такие люди, чьи держания возникали буквально на глазах, не могли надеяться на защиту обычного права, а их имена, очевидно, могли заноситься в книги регистрации держателей в качестве имен лично несвободных. В описях Пемброков, правда, мне не

⁷³ Винокурова М.В. Английское крестьянство... С. 146-147.

⁷⁴ Савин А.Н. Указ. соч. С.6.

приходилось встречать случаев закрепощения в недавнем прошлом свободных людей, но это не означает, что подобных случаев не могло быть в действительности английской деревни XVI в.

С другой стороны, в эпоху Тюдоров “последние вилланы”, очевидно, нередко могли пользоваться теми же правами, что и обычные держатели. Так, Норден в своей рукописи “Survey of Certain Crown Manors”⁷⁵ указывает на случай, когда виллан имел реверсию, т.е. право возобновления держания, что вообще-то, как мы знаем, было привилегией держателей по копии, причем чаще при смене наследников (т.е. в случаях наследственного, привилегированного копигольда).

Зададимся, далее, таким вопросом: мог ли виллан XVI в., несвободный лично, держать в маноре или вне манора не вилланскую землю, а участки иного юридического статуса (скажем, фиксированные в документах курии в качестве фригольда или даже аренды)? Практика показывает, что такое случалось не так уж редко. Из 14 вилланов в манорах Пемброков шестеро держали в соседних манорах землю указанных юридических статусов. “Последние вилланы” Гластонберрийского аббатства, чьи условия держаний исследовал А.Н. Савин, также держат по несколько боват⁷⁶ как обычной, так и свободной земли.⁷⁷

Но, как и во времена Брактона, по отношению к вилланам XVI в. была приложима все та же известная формула, подчеркивавшая личную зависимость виллана от манориального лорда, которая гласила: *tenementum non mutat statum* (держание не меняет статуса). По-прежнему виллан XVI в., как и его предок XIII-XIV вв., не становился свободным или обычным держателем только потому, что он держал “свободную” или “обычную” землю. Его статус виллана был врожденным.

С копигольдерами XVI в. дело нередко обстоит по-иному. Статус держания мог в некоторых случаях менять статус держателя в маноре: если,

⁷⁵ Там же. С.17.

⁷⁶ Бовата составляла примерно 15 акров.

например, обычный держатель одного манора держал в соседнем участке фригольда, он числился в курии этого последнего как свободный.

Итак, мы видим, что в реальной жизни “последних вилланов” было немало “материальных черт”, роднивших их с обычными держателями (наряду с различием их юридического статуса).

Но несравненно более тяжелым должно было быть моральное состояние “последних вилланов”. Свободное население манора смотрело на них пренебрежительно⁷⁸ и считало ниже своего достоинства родниться с ними. В этом смысле при Тюдорах и Стюартах вилланам жилось несравненно хуже, чем при Плантагенетах. В XIII-XIV вв. экономическое положение вилланов, возможно, было тяжелее, но в повседневности они должны были чувствовать себя лучше. Составляя в то время основную часть деревенского населения, рядовой виллан мог считать себя “членом влиятельной местной общины и представителем самого большого класса нации”.⁷⁹ Соседи не могли тогда попрекнуть виллана его “рабской кровью” - они сами были крепостными. Однако в XVI в. положение “последних вилланов” в этом смысле изменилось. Они стали для общества “нежелательным напоминанием об исчезнувшем порядке вещей”.⁸⁰ Во времена Генриха VIII, а особенно Елизаветы бондмены старались скрыть свое крепостное происхождение и избегали встреч с составителями описей.

Вот что писал А.Н. Савин о положении “последних вилланов” XVI в.: “Принадлежать к презируемому общественному классу трудно даже тогда, когда он очень велик; бремя презрения становится невыносимой тягостью, когда оно не облегчается сознанием, что другие разделяют те же страдания”.⁸¹ Очевидно, что получение личной свободы должно было быть страстной мечтой “последних вилланов”. Однако эта цель не могла быть достигнута, например, женитьбой на свободной. В подобном случае, скорее,

⁷⁷ Савин А. Н. Указ. соч. С. 47-52.

⁷⁸ Там же. С. 40-52.

⁷⁹ Там же. С.43.

⁸⁰ Там же. С. 43, 44.

свободная “затемняла” свой статус фактом вступления в брак с вилланом, как это было прежде, в век крестьянской несвободы.

В XVI столетии виллан мог быть отпущен на волю лишь при условии уплаты большого выкупа, так что стремление к свободе разбивалось об угрозу утраты материального благополучия. Размер этого выкупа, зафиксированный в делопроизводстве Augmentation Office (Курии прибылей), равнялся одной трети всей движимости и недвижимости вилланов.⁸² Это делает понятным обилие отпусков в XVI в.: особенно часто это явление наблюдалось на коронных землях. Освобождение “последних вилланов” было выгодной политикой.

Так, 7 января 1575 г. королева Елизавета обратилась с открытым письмом к сэру Генри Ли. В этом письме он назначался комиссаром по герцогству Ланкастерскому (коронные земли) с правом разыскивать “последних вилланов” и принудительно отпустить на волю 200 человек из их числа. Через полгода этот достойный человек получил от королевы второй патент, дававший ему право разыскать и отпустить на волю еще 100 вилланов.⁸³ Указанные цифры, кстати, свидетельствуют о значительном количестве “последних вилланов” среди сельского населения Англии XVI в.

Но совпадала ли политика правительства, направленная на освобождение вилланов, со стремлением к подобному действию хозяев этих крепостных, которые в первую очередь, вроде бы, должны были стремиться наложить руки на имущество бондов?

Рабочая сила этих последних представителей системы былого рабства была, может быть, почти и не нужна, но из них еще вполне можно было выжать некоторое количество денег. Ведь “последние вилланы”, как пишет А.Н. Савин, нередко были очень зажиточными, могли держать до 10 виргат земли; 1/3 имущества таких крестьян оценивалась в 60-100 фунтов!

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 46.

⁸³ Там же. С. 46 и след.

Вполне понятно, что манориальные лорды, особенно те из них, которые вели коммерчески поставленное хозяйство, часто не хотели продавать зажиточным вилланам отпускных грамот, требуя от них завышенные фэйны, меркеты, гериоты и другие платежи и зачастую предпочитая именно эту политику процессу перевода бондменов на аренду (ведь аренда с ее полуфеодальными и даже краткими сроками не всегда была более выгодной по сравнению с политикой “выжимания” денег с материально обеспеченных “последних вилланов”). Еще менее манориальные лорды стремились предоставлять короне возможность принудительно отпускать своих вилланов на волю, поскольку не хотели терять перспективы длительного или одномоментного обогащения.

Каков же был имущественный облик “последних вилланов” в манорах Пемброков в Уилтшире? Какова была судьба этих вилланов? Для того, чтобы ответить на первый из этих вопросов, обратимся к таблице № 26.

Таблица 26. Имущественный облик “последних вилланов”

Название манора	Имя держателя	Площадь участка (акр.)	Рента (шиллинги, пенсы)	Файн (фунты, шиллинги)
1. Bulbridge	Стефан Эплфорд Ричард Годвин	45 32	6s.3d. 4s.	4J 2J
2. Broad Chalke	Роберт Гров Ричард Пейн	23,5 19	3s.4d. 3s.	2,5J 1,5J
3. Fuggleston	Томас Гуд Даниэль Сэнд	58 10	10s. 2s.	5J2s. 15s.
4. West Overton	Марга Бишоп	8	1s.10d.	1J
5. Wylke	Эдуард Горнси Кристина Пеготт	9,5 13	2s. 2s.6d.	1,5J 1,8J
6. Olvediston	Агнесса Кенфик	30	4s.8d.	2J 0,4s.
7. Bishopston	Томас Колмен	5	1s.	3s.
8. Chilmark	Мэри Витуайт Уильям Джонс	18 3	2s.9d. 0,5s.	2J 1,5s.
9. Burcombe	Кристина Беймен	64	18s.	3J
Итого:	14	338	61s.	23J 47s.

Мы видим, что в числе “последних вилланов” во владениях этих графов не было чрезмерно зажиточных крепостных. Площадь трех наиболее крупных

держаний равнялась 45, 58 и 64 акр. (в целом – 167) и составляла около 50 % всей вилланской земли. Три малоземельных бондмена из 14 держали 4,7% .

Остальная земля (155 акр., или приблизительно 54%) находилась в руках того самого “среднего класса” вилланов, о которых А.Н. Савин писал как о крестьянах, вроде бы получивших свободу в конце XIV – начале XV в.

Как мы видим, в “порах” маноров юго-западной Англии все еще сохранялись следы былой несвободы именно в среде земледельческого крестьянского ядра. Это происходило, казалось бы, вопреки общей тенденции, которая, по свидетельству А.Н. Савина, специально занимавшегося этим вопросом, проявлялась в XVI в. в стране в целом. Она, по его мнению, была связана с консервацией в поместьях зажиточных и сверхзажиточных вилланов. Савин, в частности, приводит в пример одну исключительно богатую семью, целиком состоявшую из крепостных, и уже во второй половине XV в. сосредоточившую в одном из маноров значительное движимое и недвижимое имущество. Это достаточно хорошо известные Гензы, крупные мануфактуристы, чье имущество еще в 1435 г. оценивалось в 3000 марок.⁸⁴

Думается, что наличие в Уилтшире в 60-е гг. XVI в. вилланов-полувиригитариев является во многом отражением специфики этого региона по сравнению с другими областями Англии – специфики, связанной с малоподвижностью и традиционностью аграрных структур Юго-Запада. Так, наряду со сдачей домениальной земли в аренду, графы Пемброки сохраняли и барскую запашку (о чем свидетельствует уже факт наличия большого количества отработок в среде “последних вилланов” и части обычных держателей). Очевидно, манориальные лорды предпочитали постоянный и устойчивый доход, который приносила обрабатываемая вилланами-середняками земля, незначительному и “одномоментному” пополнению своего кошелька, которое могло бы последовать в результате выплаты этими вилланами 1/3 части их имущества, весьма незатейливого. Графы Пемброки,

⁸⁴ Там же. С. 55-57.

как отмечалось выше и как, может быть, станет еще более ясным из дальнейшего, и без того преуспели в коммерциализации своих поместий: они, как мы видели, превращали в аренду не только копигольд, но (с нарушением правовых норм) и фригольд, взвинчивали фэйны, “запускали” пашню под пастбище, изменяли условия держаний в невыгодную для крестьян сторону и т.д. Думаю, с учетом этого обстоятельства, что они не слишком нуждались в пополнении доходной части своего бюджета за счет незначительных поступлений с “последних вилланов”.

В этих манорах, кроме того, как мы увидим дальше, была значительной прослойка зажиточной копигольдерской аристократии (держателей участков типа мелких вотчин, площадь которых превышала 150 акров и достигала подчас 500-600 акров). Таковых в манорах Пемброков в XVI в. насчитывалось около 14 %; они сосредоточили в своих руках примерно 34% площади обычного держания. Похоже, что именно эта прослойка в значительной мере удовлетворяла растущие запросы лордов в их стремлении к повышению доходности поместий – более, чем потенциальный денежный вклад в маноориальный бюджет от отпуска на волю “последних вилланов”.

Итак, мы видим, что анализ положения “последних вилланов” в Англии XVI столетия вносит определенные коррективы в наше понимание аграрной специфики этой страны в период генезиса капитализма и способствует несколько иному, отличному от традиционного, взгляду на проблему соотношения различных юридических категорий английского крестьянства в канун революции.

7. Имущественные права женщин

Нарисованная нами картина внутренней жизни английского средневекового манора и, в частности, специфика держания на обычае, была бы неполной, если бы мы не упомянули еще об одном очень важном ее аспекте. Дело в том, что меня издавна интересовал вопрос об

имущественных правах женщин в средневековой Англии – точнее, тот аспект этой весьма важной проблематики, который связан с процессом перемещения недвижимости (так называемыми “земельными передвижками”) внутри локальных общностей и более всего – внутри мира английского манора.

Указанная специфика опять-таки ярче всего выявляется при работе с такими источниками как манориальные описи, протоколы курий и “перечни” обычаев и правил, определявших наследственные права в той или иной общности – то есть источниками, составленными в соответствии с нормами обычного права.

Надо отметить, что имущественные права женщин, регулируемые обычным правом, практически не изучались в отечественной историографии – мы не находим подобного рода специальных исследований в нашей литературе. Что касается историографии англоязычной, то и ее представители не столь уж часто касаются названного предмета: можно, пожалуй, назвать лишь несколько работ, авторы которых вскользь упоминают о наличии проблемы как таковой.⁸⁵ Исключением в этом ряду является, однако, статья Р. Смита, непосредственно посвященная интересующему нас сюжету⁸⁶.

Для того, чтобы получить более отчетливое представление о правах женщин на собственность согласно *обычаям* средневековой Англии, попробуем вначале, хотя бы вкратце, уяснить себе их специфику в трактовке общего права с тем, чтобы в ходе работы более рельефно определить значение самого обычая в регулировании имущественных прав, в том числе и прав женщин, внутри локальных общностей.

Отметим сразу, что с точки зрения общего права Англии, как парадоксально это ни звучит, женщины были практически бесправны в

⁸⁵ Raftis J. A. *Tenure and Mobility: Studies in Social History of Medieval England*. Toronto, 1964, p. 36-42; Hilton R.H. *The English Peasantry in the Later Middle Ages*. Oxford, 1975. P. 97; Titov J.Z. Some Differences between Manors and their Effects on the Condition of the Peasantry // *Agr. Hist. Review*. X. 1962.

⁸⁶ Smith R.M. *Women's Property Rights under Customary Law: Some Developments in the XIII-XIV centuries* // *TrRHS*. 5-th ser., Vol. 36. L., 1986. P. 165-194.

отношении собственности, они стояли “вне закона”, если рассматривать закон как юридически закрепленную возможность фактически распоряжаться недвижимостью (то есть заключать сделки по поводу земли от собственного имени, составлять завещания, отчуждать собственность и т.д.). Общее право игнорировало замужнюю женщину, рассматривая ее в качестве неспособного лица на основании следующего правила: “муж и жена являются единым правомочным субъектом, как являются единым телом, и этим единым субъектом (телом) является не жена, а муж”⁸⁷. Замужняя женщина, согласно общему праву, не могла заключать контракты и апеллировать в суд, завещать движимость и недвижимость – это мог делать только ее муж и только от собственного имени, так как “в глазах” этого вида права не существовало общего “юридического лица” мужа и жены, оно враждебно относилось к понятию общей собственности супругов (*marital community*). Закон молчал о том, какими правами обладала замужняя женщина в средневековом обществе (ибо она не обладала ими как юридическое лицо); однако в трактатах английских правоведов подчас возможно отыскать сведения о том, что ей было запрещено. Так, например, в сочинениях Флеты⁸⁸, уже известного нам анонимного комментатора Брактона, содержатся данные о том, что, пребывая в состоянии замужества, женщина не имела права становиться объектом дарения (дара) со стороны собственного мужа. Читаем у Флеты, который ссылается на Брактона: “Мужья не могут делать дарения своим женам... пока они состоят с ними в браке; так как это абсолютно запрещено законом, ибо как можно принести в дар часть самого себя?”⁸⁹. Таким образом, рассматривая женщину как часть общего “семейного” тела, или точнее, часть мужа, Флета, похоже, подчеркивает то, что дарить жене – означало дарить самому себе, а совершить сделку с самим собой юридически невозможно.

⁸⁷ Ericson E. *Common Law versus Common Practice: the Use of Marriage Settlements in Early Modern England* // ECHR. 2-d ser. XLIII. 1990. P.24.

⁸⁸ См., например, Fleta. Vol. 3. Selden Society. Book 3 and Book 4. Ed. by H.G. Richardson and G.O. Sales. L., 1972.

Вне всякого сомнения, в этом правиле, запрещающем дарение (прежде всего недвижимости) жене, отражено стремление препятствовать излишнему отчуждению земли в XIII – XIV вв., и, возможно, не в последнюю очередь в связи с проблемой специфики наметившейся в то время тенденции “реорганизации” собственности внутри поколений в пользу женской части населения. С одной стороны, как известно, в указанный период среди лиц, строивших свои имущественные отношения на основе норм общего права, ведущей становилась тенденция реализовывать право наследования по правилу примогенитуры (от старшего сына к его старшему сыну или – от отца к сыну), с другой – анализ демографической ситуации показывает, что и женщины нередко входили в число наследников. Принимая во внимание достаточно высокую смертность того времени, исследователи считают, что каждая семья в Англии должна была в среднем иметь не менее 4 детей, чтобы хотя бы один сын (причем не всегда старший) смог пережить своего отца и наследовать его имущество. Однако подсчитано, что в XIII – XIV вв. около одной пятой семей той части английского общества, которая наследовала недвижимость согласно нормам общего права, имели только дочерей и ни одного сына⁹⁰. Отсюда подчас и проистекало вынужденное наследование по женской линии, которое вкупе с необходимостью выделения приданного в виде недвижимости (*marriage portion*) свидетельствовало о своеобразном перераспределении собственности внутри каждого поколения, о деволуции (искажении) классической линии наследования, что представляло потенциальную угрозу для власти мужчин над совместной (семейной) собственностью. В такой ситуации произвольные “внутрисемейные” дарения вполне могли бы сделать деволуцию более отчетливой. Если же, согласно трактовке Флеты, муж нарушал запрет на дарение недвижимости жене, то после его смерти эта часть земли все равно

⁸⁹ *Op. cit.*, P.6.

⁹⁰ Goody J., Harrison G. A. *Strategies of Heirship // Comparative Studies in Social History*. XV.1973. P.3-21.

становилась выморочным имуществом и отторгалась в пользу вышестоящего лорда (вплоть до короля) либо городских властей.

Казалось бы странным, но дарения, как это следует из сочинений знатоков английского общего права, вполне могли быть адресованы сожительнице (*concubina*) дарителя, тем более в случае наличия у них общих детей – и это в то время как даритель состоял в законном браке со своей собственной женой⁹¹. Более того, конкубина могла “передарить” эту недвижимость своим детям, братьям или сестрам, и после их смерти она (недвижимость) не возвращалась дарителю, а передавалась по наследству по линии указанных родственников. Если же вышестоящий лорд изгонял наследников с земли, они могли вчинить иск в суде общего права (реализовать право “ассизы о недавнем вторжении”, говоря юридическим языком того времени).

Кроме того, дарение могло быть адресовано лишь детям сожительницы (бастардам дарителя), исключая их мать. В случае смерти одного из детей, того, на кого был направлен дар, дарение переходило не к его наследникам, а к его братьям и сестрам – пока не умирал последний из них.

Как представляется, эти нормы и правила были весьма своеобразны и вполне отчетливо демонстрировали то подчиненное состояние, в котором, согласно общему праву, находилась замужняя женщина, если не на нее, а на ее соперницу с детьми мог быть направлен дар ее мужа.

Иногда, реализуя право адресовать дар нескольким лицам, муж дарил землю своей жене совместно с их общими детьми (такое, согласно общему праву, было вполне допустимо) или даже, в случае повторного брака мужчины, - своей второй жене с пасынками. Но и в этом случае ущемленной в правах опять-таки оставалась женщина, состоявшая в браке, так как дар был действительным (*valid*) и юридически чистым только для детей, но не для их матери. Другими словами, мать детей не имела юридического основания по своему усмотрению распоряжаться этим “коллективным”

⁹¹ Fleta. Op. cit. P. 7-8.

даром, обладая лишь правом пользования им (но не правом собственности), то есть будучи лишённой возможности самостоятельно осуществлять сделки с недвижимостью.

Выходя замуж, женщина наделялась приданым (*dowry or marriage portion*) своим отцом (родителями). Помимо одежды и постельных принадлежностей (иногда некоторой суммы денег), в приданое в качестве обязательного условия должна была входить недвижимость: определённый участок земли, который после брачной церемонии в церкви и заключения брачного контракта полностью переходил под контроль мужа этой женщины. В источниках и правовых документах эпохи средневековья *marriage portion*, правда, и после замужества женщины иногда именовалось как *woman's property*, но фактически приданое становилось собственностью мужчины. Он мог бесконтрольно распоряжаться им в интересах семьи (сдавать в аренду, закладывать под проценты) и нередко – в своих собственных, расплачиваясь этой частью имущества за долги⁹². И это при том, что формально-юридически “*marriage-portion*” было неприкосновенно и не могло отчуждаться ни при каких обстоятельствах⁹³. Таким образом, согласно общему праву, замужняя женщина не допускалась к владению и даже распоряжению имуществом. Это особенно касалось аристократии⁹⁴. На средних и нижних “уровнях” общества женщина, чьи “экономические ресурсы” в браке зависели более не от размера приданого, а от необходимости включаться в процесс зарабатывания денег для поддержания

⁹² Ericson E. *Op. cit.* P.24.

⁹³ Fleta. *Op. cit.* P. 21.

⁹⁴ Отметим, что в среде английской аристократии, особенно в эпоху позднего Средневековья, в XV-XVI вв. и далее, в качестве приданого котировалась не только земля, но и наличные деньги, которые нередко достигали очень крупных сумм. Так, в 1609 г. леди Анна Клиффорд, выходя замуж за графа Дорсета, получила в качестве приданого 17 тысяч фунтов; леди Мэри Бойль, будущая графиня Уорвик, – 10 тысяч. Что касается XVII столетия, то в тот период уровень “*marriage portion*” в среде пэров и крупного джентри в связи с инфляцией и ростом цен на землю (а обычно на деньги, поступающие в семейный бюджет в качестве приданого, аристократия покупала земли) возрос в среднем с 3800 до 9700 фунтов. Кстати, согласно протоколам *Chancery*, в XVI-XVII вв. стоимость “среднего” приданого для всей Англии (по всем социальным слоям кроме аристократии, которая не

семьи и доходов, вливавшихся в семейный бюджет в результате реализации этой необходимости, очевидно, имела или могла иметь большую свободу в практическом доступе к собственности. Мы увидим это чуть позже, когда речь пойдет о правах женщин на собственность с точки зрения обычного права.

Единственное, что получала женщина, выходя замуж, - так называемый “утренний дар” или “дар на пороге церкви” – подарок от мужа, переходивший в ее личную собственность. Это могла быть одежда, утварь, украшения (редко – деньги), но почти никогда недвижимость⁹⁵. “Дар на пороге церкви” символизировал переход девушки в новый статус, “под руку” мужа, и был единственным исключением из общего правила, запрещавшего дарения замужней женщине со стороны ее супруга.

Казалось бы странным, но, согласно общему праву, (и, как мы увидим впоследствии, праву обычному) гораздо большие имущественные права в Англии периода Средневековья и раннего Нового времени имели вдовы, и закон не хранил молчания в отношении их хозяйственных возможностей. Вдовы (в отношении собственности) были не иллюзорными фигурами, а полноправными хозяйками своей жизни, владелицами и распорядительницами оставшегося после смерти мужа имущества. В этом смысле они реализовывали основной закон практической жизнедеятельности, постоянного каждодневного труда. И все это потому, что, согласно общему праву Англии, после смерти мужа женщина (вдова) получала право на одну третью часть недвижимости (так называемая “вдовья доля” – *dower*), вне зависимости от того, было сделано завещание или нет⁹⁶. Конечно, в данном случае последнее обстоятельство относится более к периоду раннего Нового времени, когда уже отступали строгие правила в отношении *intestacy* (кончины без завещания). Что касается XIII – XV вв., то в случае смерти без

обращалась в этот суд и, очевидно, массы коттеров и пауперов) составляла 300 фунтов (Ericson. *Op. cit.* P. 30).

⁹⁵ Fleta. Vol. 3. P.8.

⁹⁶ Ericson. *Op. cit.*, P. 25.

завещания имущество главы семьи не могло переходить вдове или детям ушедшего в мир иной, так как оно считалось выморочным и на этом основании переходило в руки вышестоящего лорда. И только после соответствующего решения, принятого на заседании курии, это имущество, пройдя через руки лорда (reversion), могло быть предано вдове и детям умершего. Умереть без завещания считалось грехом, ибо, очевидно, это означало отсутствие покаяния. Ф. Мэтланд пишет, что умиравших без завещания старались не хоронить на общем кладбище⁹⁷.

В некоторых регионах Англии более распространенной была практика получения вдовой пожизненной ренты (jointure),⁹⁸ в то время как земельный фонд, оставшийся после смерти главы семьи, передавался в наследство детям (чаще всего старшему сыну, особенно в семьях аристократии); распорядительницей имуществом детей оставалась, как правило, их мать на весь срок до своего нового замужества. И даже если оно действительно следовало, что случалось далеко не всегда, то нередко бывшая вдова имела право выдавать замуж своих дочерей от первого брака и назначать им соответствующее приданое без вмешательства их отчима⁹⁹.

Кроме права на недвижимость, получение ренты и опеку своих детей, вдовы могли производить операции с недвижимостью. Как правило, земли сдавали в аренду с целью получения коммерческой прибыли. Особенно широко эта практика распространилась в XVI в. в связи с развитием аграрного капитализма. Кроме того, вдова могла (имела право) *завещать* собственность, доставшуюся ей после смерти мужа (этого права не имела женщина, умиравшая в замужестве). Вдовы также могли апеллировать в суды общего права и суды Справедливости. Так, согласно наблюдениям исследователей, особенно часто они обращались в Суд канцлера в качестве

⁹⁷ Maitland F. Selected Pleas in the Manorial Courts. L., 1889.

⁹⁸ См.: Baker J. An Introduction to English Legal History. 2-d ed. 1977; Barrett-Lennard T. The position in Law of Women. Colorado, 1983.

⁹⁹ Эмили Эрикссон (Op. cit. P. 27) ссылается на уникальный источник XVI в.: William West. Symbolaeography (1594), представляющий объемный свод различного рода бланков и

истцов, к чему не в последнюю очередь их могла побуждать доступность Chancery: расходы на первоначальные судебные издержки там не превышали шиллинга¹⁰⁰.

Очень важным для имущественного и правового положения вдов являлся вопрос о стоимостном соотношении приданого и вдовьей части наследства. Если указанный вопрос в некоторой степени исследован для аристократической среды средневековой Англии, то по отношению к низшим слоям общества (в частности, по отношению к крестьянству) он абсолютно не изучен. Дело в том, что исследование этой проблемы в том ее виде, в каком она существовала “внутри” английского манора, необходимо должно быть связано с учетом конкретных “передвижек” земли в результате смерти обычных держателей и перехода земли в руки их вдов и детей. Такой учет не всегда возможен, так как источники манориальной истории, как правило, являют лишь иллюзорную картину этих “передвижек” (ведь верховным правом собственности на землю обладал лишь лорд манора, который нередко, наперекор обычаю, мог изменять пропорции между различными частями держательского клина; представители манориальной администрации даже не всегда вносили изменения условий держаний в протоколы, особенно в периоды между составлением манориальных описей). Именно через руки лорда реально и “проходила” вся “обычная” земля в маноре; определение вдовьей доли, таким образом, нередко зависело более от лорда, чем от обычая, к тому же имевшего свои особенности в каждом из регионов Англии, в том числе и в отношении определения “вдовьей части наследства”.

Итак, в среде аристократии соотношение стоимости приданого и вдовьей доли в конце XVI в. (для более раннего периода попросту не имеется данных) можно представить как 5 : 1, которое к концу XVIII столетия выглядело уже как пропорция 10 : 1 в связи с инфляцией и ростом цен на

форм, используемых в Chancery для различного рода имущественных тяжб по поводу брачных контрактов.

¹⁰⁰ Op. cit. P. 29.

землю¹⁰¹. Таким образом, вдовы нередко расплачивались падением благосостояния за расточительность своих мужей. Для того, чтобы компенсировать убытки, связанные с падением стоимости dowry, вдовам требовалось более десяти лет рачительного хозяйствования.

Посмотрим теперь, как складывались имущественные отношения мужа и жены в средневековой Англии согласно *обычному праву*. В моем распоряжении оказался интересный источник – свод манориальных и городских обычаев Англии XIII- XVI вв.; его содержание дает почти исчерпывающее представление об интересующем нас сюжете¹⁰². И хотя этот источник носит название “Borough Customs”, его особенность состоит в том, что включенные в него документы именуется в тексте как “court rolls” или даже “manorial court rolls”¹⁰³. Здесь имеет смысл напомнить, что термин “borough” был очень характерным для средневековой Англии и употреблялся, похоже, равным образом для обозначения деревень (маноров) и небольших поселений городского типа, весьма близких друг другу по “социальному происхождению”. Главным признаком таких поселений, сближавшим их со средневековыми поместьями, было наличие манориальной курии со всеми присущими ей атрибутами (записи обычаев, суды, стюард, бейлиф, староста и т.д.), а также значительное распространение вилланских и копигольдерских держаний не только за пределами этих местечек городского типа, но и в их черте. Феномен “borough” существовал в Англии долго, и даже в XVIII в. мы все еще наблюдаем его¹⁰⁴.

¹⁰¹ Op. cit. P. 30.

¹⁰² Borough Customs. Seldon Society. Ed by M. Bateson. L., 1904-1906. In 2 vol-s. Особенность наших источников состоит в том, что они фиксируют обычаи в области прав женщин на собственность в Англии периода не только раннего Нового времени, но и зрелого Средневековья. По сути, в них представлены обычаи XIII – XVI (а иногда XII и XVII) вв. Думается, что возможность рассмотреть широкий спектр обычаев, регулировавших отношения в данной области в различных регионах Англии и представленных в источниках действующими на протяжении столь длительного времени, является несомненной удачей для любого исследователя.

¹⁰³ Op. cit. P. 132, etc.

¹⁰⁴ См. раздел, посвященный проблеме “манора-города”.

Посмотрим теперь, что было дозволено и что запрещено замужней женщине в отношении распоряжения имуществом согласно обычному праву Англии.

Мы уже отмечали, что, выходя замуж, женщина любого социального статуса наделялась своими родителями (опекунами или родственниками) приданым (*marriage portion or dowry*). Мы упоминали также и о том, что с точки зрения общего права приданое женщины, особенно “выраженное” в недвижимости, было неприкосновенно и не могло отчуждаться на основании того, что эта доля земли “дается женщине перед замужеством с тем, чтобы ввести ее в состояние замужества” (“*land is given to the woman before marriage for such a purpose as getting her married*”)¹⁰⁵. Но это правило нередко нарушалось представителями как высших прослоек общества, так и средними классами.

Посмотрим же, что говорят по этому поводу обычаи Англии. Так, согласно обычаям городка Линчфилд в Средней Англии (XIV в.) никто, никогда и ни при каких обстоятельствах не мог отчуждать (особенно продавать) часть земли, привнесенную женщиной в семью в качестве приданого¹⁰⁶.

В округе Нортхэмптона на Севере Англии (XIII в.) *marriage portion* можно было продать только в том случае, если у семейной пары не было другой земли, да и то пойти на это разрешалось лишь в случае крайней необходимости (*urgent, great necessity*), например, в случае нищеты; это последнее обстоятельство необходимо было засвидетельствовать в курии в присутствии двенадцати наиболее уважаемых соседей или других членов деревенского сообщества. Причем в случае такой продажи уже не разрешалось возбуждать иска о возврате собственности, как движимой, так и недвижимой. Так, в 1240 г. в пригороде Винчестера вдова С. “оспаривала” лавку у своего соседа R. de W. как свою “законную” *marriage portion*. Курия

¹⁰⁵ Fleta. Op. cit. P. 21.

¹⁰⁶ Borough Customs. Vol. 2. P. 103.

решила дело в пользу ответчика (R. de W.), к которому не могло быть претензий, так как С. и ее муж, согласно обычаю Винчестера, продали лавку своему соседу, пребывая в состоянии крайней нужды.

Отметим, кстати, что, согласно обычаям Англии, право первенства на покупку недвижимости, которую продавала семейная пара в крайних обстоятельствах, принадлежало ближайшим, а затем дальним родственникам. Если все они отказывались, будучи опрошенными три раза в суде (курии) в присутствии свидетелей (соседей), то оно, это право, переходило к любому другому лицу. Если же родственник (им мог быть, кстати, прямой совершеннолетний наследник) соглашался на такую покупку (не забудем, что подобные сделки совершались в экстремальных ситуациях и не будем поэтому слишком удивляться тому, что наследники иногда были готовы платить деньги за то, что со временем могло бы принадлежать им безвозмездно), он должен был материально поддерживать продавших недвижимость под давлением “urgent necessity”, предоставляя им кров, одежду и еду. Странно, но обычай Страффорда XIII в., например, специально указывает, что одежда для опекаемых в этом случае должна была быть исключительно белого и серого цветов¹⁰⁷. Если наследник находился за пределами страны, то обычай рекомендовал ждать его в течение 40 или 80 дней (срок зависел от удаленности того места, где пребывал претендент). Если же в отсутствие наследника появлялся кто-нибудь из “чужаков”, то и в этом случае должно было ждать появления наследника (либо другого близкого родственника), которому в конце концов даже делали скидку с продажной цены, по одному шиллингу с фунта¹⁰⁸.

Очевидно, одной из причин, на основании которых, согласно обычному праву средневековой Англии, запрещалось отчуждение приданного, выраженного в недвижимости (за исключением особых случаев), являлось то обстоятельство, что marriage portion, особенно в семьях среднего (или ниже

¹⁰⁷ Ibid. P. 105.

¹⁰⁸ Ibid. P. 70.

среднего) достатка нередко являлось основой для определения вдовьей доли после смерти мужа (если жена переживала его), поскольку собственно земля мужа, как правило, в течение жизни являлась объектом разного рода сделок в недвижимостью и нередко расходилась по чужим рукам задолго до кончины ее владельца. Согласно обычаям городских местечек Севера Англии XIII – XIV вв., вдовью долю (*dower*) запрещалось определять с проданной земли; ее можно было “начислять” только с земли приданного, реже - с земель, сданных в аренду или отданных в залог под проценты, а также с недвижимости, приобретенной в течение совместной жизни¹⁰⁹.

Но вот, например, в окрестностях городка под названием *Godmanchester* в XIV в. мужчина мог продавать или отчуждать иным способом приданное жены без ее согласия и даже против ее воли, либо в ее отсутствие. И если после смерти мужа вдова приходила в курию с иском о возврате проданной ее мужем при его жизни земли (приданого женщины), суд отказывал ей в этом.

В *Bury St. Edmunds* (1304 г.) и его округе (Восточная Англия) жена после смерти мужа не могла претендовать на свой участок земли (привнесенный ею в качестве приданного), если в период их совместной жизни муж продал этот участок, пусть даже без ее согласия¹¹⁰. Здесь муж даже мог продать само *право* своей жены на имущество, к какому бы типу собственности оно не относилось, в результате чего женщина после смерти мужа не могла апеллировать по поводу запрета на возврат ее прав (прежде всего прав на приданое).

Степень успеха или неуспеха мужа в его посягательстве на приданое жены зависела не в последнюю очередь от силы противодействия того рода (семьи), из которого (которой) происходила женщина. Если семья была достаточно крепкой с имущественной точки зрения и уважаемой в округе, то “посягательство” на *dowry* было затруднено. Отчуждение земли в этом

¹⁰⁹ *Ibid.* P. 103. В тексте говорится, что этот обычай приводит и Брактон в своих правовых трактатах.

случае, даже при наличии крайних обстоятельств, как показывают, например, обычаи пригородов Ноттингема XIV в., могло состояться исключительно с согласия женщины, зафиксированного в курии в присутствии 12 “понятых” и наиболее влиятельного представителя ее рода¹¹¹.

Рассмотрим, далее, вопрос о возможности женщины завещать землю по обычному праву.

Анализ документов показывает, что чаще всего жены, находясь при смерти (*on deathbed*), не могли завещать недвижимость, хотя нюансы обычного права по этому поводу различаются (а общее право, как мы помним, вообще запрещало замужним женщинам делать завещания).

Например, обычаи пригородов Лондона XIII – XIV вв. запрещали женщине завещать землю; любое отчуждение недвижимости (*фригольда*) с точки зрения обычного права считалось действительным только в том случае, если оно производилось совместно женой и мужем на общем собрании курии (или сотни).

Если же речь шла о вилланской либо копигольдерской земле, обычай требовал отчуждения в соответствии с основным правилом манориального закона: “несвободную” землю необходимо было провести “через руки” лорда (*by a formal surrender*), придав ей таким образом статус фригольда, а затем передать тому лицу, на которое укажет держатель (держатели)¹¹².

Если же, напротив, жена жила дольше мужа и ей приходила в голову мысль вернуть себе однажды отчужденную, чаще всего проданную ее мужем землю (ею в реальной жизни могло быть и нередко было именно приданое женщины), то манориальная либо городская администрация отказывала ей в праве подать иск на основании того, что отчуждение уже произошло в курии в присутствии свидетелей; к тому же оно было свершено по правилу формальной передачи через руки лорда. В случае слишком настойчивых попыток вернуть приданое, женщину подвергали в курии специальному

¹¹⁰ *Op. cit.* P. 104.

¹¹¹ *Ibid.*

опросу под присягой, главной целью которого было стремление внести ясность в вопрос о том, давала ли она (совместно с мужем) согласие в курии на отчуждение земли. Если судьи получали утвердительный ответ, то женщина не только не могла вернуть землю, но и теряла право повторно обращаться в курию. Если ответ был отрицательным, “дело” могло быть передано на рассмотрение лорда, но, как правило, и на уровне этой “инстанции” не выносилось положительного для истца (в данном случае вдовы) решения. Так, например, иск вилланки Кристины Брайт из окрестностей Экзетера (XIV в.) по указанному поводу не был удовлетворен¹¹³.

Право Ипсвича XIII-XIV вв. также запрещало женщине отчуждать землю (либо составлять завещание по поводу передачи земли по наследству). Составление завещания замужней считалось здесь грубейшим нарушением норм обычного права и не оправдывалось никакими обстоятельствами¹¹⁴.

Однако некоторые обычаи вполне “лояльно” относились к факту завещания недвижимости со стороны той, что состояла в браке, любому лицу, включая ее собственного мужа. Так, обычай Линкольна и его окрестностей (Восточная Англия) XV в. разрешал жене завещать недвижимость, но только с согласия ее мужа¹¹⁵. Обычаи окрестностей Кентербери XVI в. предоставляли замужней женщине полную свободу отчуждать (завещать) землю, как наследственный фригольд или копигольд, “пришедший” вместе с ней в качестве dowry, так и земли, приобретенные в течение совместной жизни с мужем (правда, при этом здесь также требовалось согласие хозяина)¹¹⁶.

Обычаи деревень, расположенных в округе Норвича (Восточная Англия) XIV в., предоставляли бездетной женщине право завещать лишь те земли, которые были приобретены ее отцом до замужества дочери; причем

¹¹² Ibid. P. 111.

¹¹³ Ibid. P. 115.

¹¹⁴ Ibid. P. 109.

¹¹⁵ Ibid. P. 113.

замужняя дочь могла распоряжаться ими только в случае смерти обоих родителей. Однако в случае рождения в семье ребенка заслуги этой женщины в глазах местного права возрастали, очевидно, до такой степени, что именно она (а не ее муж) обладала правом инициировать реверсию семейного земельного фонда в интересах наследника (то есть именно женщина могла составить завещание на копигольд на предмет “проведения” земли через лорда с целью адресовать ее сыну или дочери)¹¹⁷. Такой случай произошел, например, с Анной Бойль из манора Брюс (группа маноров Тоттенхем в Восточной Англии, XIV в.), которая в течение многих лет не имела детей, равно как и надежды стать полноправной в деле завещания недвижимости от собственного имени. Однако с рождением дочери именно она, а не ее муж завещает наследнице семейный копигольд, “проводя” его через руки лорда¹¹⁸.

Обычаи сельской местности Восточной Англии начала XV в. давали право женщине “on her deathbed ” завещать недвижимость в той ее части, которая была выражена в приданом, *любому* лицу независимо от разрешения мужа; но только в том случае, если данная семья была бездетной. Если же рождался наследник, “marriage portion” также могла передаваться по наследству женщиной, состоявшей в браке, причем непременным условием было завещание этой земли ее собственному мужу, который в этом случае имел право узурфрукта на приданое своей жены (то есть мог владеть приданым с условием не “разбазаривать”, не продавать, не закладывать землю, а сохранять ее для дальнейшей передачи наследникам)¹¹⁹.

Согласно обычаям деревенских местечек Юго-Восточной Англии, замужняя женщина, собиравшаяся перейти в мир иной, в случае отсутствия у нее детей пользовалась очень своеобразным правом завещать недвижимость. Прежде всего, она имела право завещать не только marriage portion, но и общую с мужем земельную собственность (“chief messuage” – основную

¹¹⁶ Ibid. P. 114.

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ Tottenham Manorial Rolls. 1377-1399. Tottenham, 1961. P. 42, 94.

¹¹⁹ Borough Customs. P. 110.

усадебу); однако только в том случае, если эта собственность не являлась наследственной или условной собственностью ее мужа (*fee simple or fee tail of her husband*), а была приобретена (например, куплена) ими в течение совместной жизни. Такое завещание, согласно обычаю, могло быть адресовано любому лицу, что свидетельствует об определенной свободе женщины в отношении реализации имущественных прав согласно обычаю. И хотя, судя по всему, в обычном праве, как и в общем, тоже не сложилось системы семейной имущественной общности (*marital community*), тем не менее *borough customs* допускали некоторые “зазоры” между нормами и тем самым не ставили замужних женщин столь строго вне естественного, неписаного закона, выражавшего потребности любого человека (независимо от пола) суверенно заниматься хозяйственной деятельностью, как это делало общее право. Что же касается собственно свободы завещать приданое, то в случае отсутствия наследников жена могла (и должна была) завещать мужу только половину *dowry*; другая половина (*moiety*) должна была вернуться в руки отца или других родственников женщины¹²⁰. Здесь, несомненно, сам обычай отражал определенное влияние родственного “клана” на характер имущественных сделок в сфере земельной собственности.

Весьма интересны также обычаи, связанные с правами мужа в случае смерти жены при рождении ребенка: в своде “*borough customs*” они даже выделены в специальный раздел под названием: “О крике ребенка в спальне” (“*De clamore infantis infra solum*”)¹²¹.

Так, согласно обычаям округа Нортхэмптона и Колчестера XIII в., “если мужчина женился на женщине с приданым, и она родила ребенка, крик которого слышали свидетели, и если жена умерла, то ее приданое, тем не менее, остается мужу (а не ребенку, даже если родился сын) на срок его жизни; причем он не может продать или заложить эту землю”¹²². И только после смерти отца земля переходила наследнику, а в случае смерти

¹²⁰ *Op. cit.* P. 109.

¹²¹ *Op. cit.* P. 111-120.

последнего – тем, кто дал эту землю в качестве приданого (то есть родственникам жены). В случае смерти при родах не только женщины, но и ребенка, *marriage-portion* отходила к вдовцу на срок его жизни до повторной женитьбы, но только в том случае, если крик ребенка в спальне слышали свидетели-соседи (мужчина и женщина, либо двое мужчин, которые должны были подтвердить этот факт под присягой). Если же ребенок был мертворожденным (то есть его крика не слышали соседи), то приданое женщины в течение 40 дней переходило к родственникам покойной женщины (как правило, отцу и матери).

Итак, мы видим, что земля, пришедшая в семью с приданым, возвращалась обратно в “родовой клан” только в случае смерти или “нерождения” наследника; но при условии его выживания переходила к его отцу, причем на срок его жизни, а затем – и к самому наследнику. Однако непременным условием перехода земли к наследнику являлось не столько достижение им совершеннолетия, как это было необходимым при реализации правила примогенитуры согласно нормам общего права, сколько уход из жизни его отца-кормильца.

Так постепенно в обычном праве средневековой Англии происходило формирование понятия “*curtsey of England*”, отражавшего пожизненное право мужа, пережившего жену (право вдовца) на ее “*marriage portion*” в виде движимости, ренты и особенно недвижимости при условии наличия законного ребенка или детей. *Curtsey* прерывалось повторной женитьбой, особенно в случае наличия дееспособного наследника мужского пола – сына от первого брака. Это правило можно хорошо проиллюстрировать следующим примером. В 1243 г. в Воркестере некий Гилберт по смерти супруги женился вторично на женщине по имени Эмма и имел во втором браке дочь. Когда умерла Эмма, в суд в качестве истца явился Джон, сын Гилберта от первого брака, и заявил свои права на ту часть поместья Гилберта и Эммы, которая являлась приданым матери Джона. И суд

¹²² Op. cit. P. 111.

удовлетворил его иск, ибо, согласно местному праву, мужчина, женившийся вторично, хотя и имеющий потомство во втором браке, терял право *curtsey* в пользу своего сына, то есть не мог распоряжаться приданым своей первой жены¹²³.

Реализуя право *curtsey*, вдовец должен был сделать участок земли, “пришедший” к нему в качестве приданого, своей “резиденцией”, то есть проживать постоянно именно на указанной земле и застроить его в случае, если он не сделал этого на протяжении совместной жизни с женой. Согласно праву окрестностей Колчестера, например, тот, кто не удосуживался превратить “*marriage-portion*” в место своего основного обитания в течение 80 дней после смерти жены, терял право на этот участок земли в пользу курии, прихода или родственников умершей.

...И так вдовец должен был проживать вместе с детьми до повторной женитьбы, в случае которой, как уже указывалось, он терял право “*curtsey*” в пользу наследников. В случае преждевременной смерти мужчины, женившегося вторично, вторая жена не должна была оставаться в доме наследников от первого брака более 40 дней¹²⁴. Если же повторной женитьбы не случалось, а дети достигали брачного возраста, то они могли претендовать на половину (*moiety*) недвижимости, являвшейся приданым их матери, и половину общей семейной собственности, то есть той земли, которая на самом деле была наследственной или условной собственностью (либо держанием) их отца – мы уже упоминали, что в обычном праве, как и в общем, реально не сложилось понятия “*marital community*”.

Но, несомненно, не менее (а, по-моему, гораздо более) важным для реальной жизни средневековой Англии было так называемое “право вдовы”¹²⁵, дававшее женщине, потерявшей мужа, возможность

¹²³ Op. cit. P. 115.

¹²⁴ Op. cit. P. 131.

¹²⁵ См. Bracton H. De Legibus et Consuetudinibus Angliae. 1873-83. f. 97b; Littleton T. Tenures. London, 1528, Sec. 166.

самостоятельно хозяйствовать на земле и препятствовать насильственному отчуждению недвижимости.

Какая же часть земли полагалась вдове после смерти мужа, согласно средневековому праву Англии?

В XIII в. Брактон писал о том, что правом вдовы является право женщины, потерявшей мужа, иметь в качестве вдовьей доли *все держания* своего умершего мужа. Мы видели, однако, что к XVI - XVII вв., согласно общему праву, эта доля в реальном выражении сократилась до одной трети (а в некоторых случаях – до половины) общей площади недвижимости, оставшейся после смерти мужа, в связи с реализацией имущественных интересов наследников, основывающихся на все большем распространении правила примогенитуры.

Что касается средневекового обычного права в отношении “назначения” вдовьей доли, то его требования были весьма различны. Так, в Кентербери XIII – XIV вв. и его пригородах вдова имела право распоряжаться всеми землями умершего мужа, куда была включена и недвижимость, составлявшая ее собственное приданное¹²⁶. Согласно законам окрестностей Ипсвича, вдова имела право на половину недвижимости, оставшейся после похорон мужа и уплаты ею его долгов (в случае бездетности); если же с ней оставались наследники от ее законного брака, женщина имела право на треть движимого и недвижимого имущества¹²⁷.

В тех случаях, когда приданное вдовы, выраженное в недвижимости, было отчуждено (продано) в течение совместной семейной жизни, женщина могла получить исключительное право проживания вместе с детьми в центральной усадьбе (*chief messuage*), которая, как правило, была представлена наследственными землями покойного мужа. В этом случае реализация “права вдовы” с *проживанием на наследственных землях покойного мужа* именовалось свободным правом (*free-bench*) вдовы и было

¹²⁶ Borough Customs. P. 123.

¹²⁷ Op. cit. P. 124-125.

максимально приближено к юридическим возможностям дееспособного лица мужского пола. Вдова, обладавшая правом “free -bench”, впредь до нового замужества могла пользоваться широким спектром возможностей в отношении реального хозяйствования на земле: отчуждать землю (то есть продавать ее, сдавать в аренду, сдавать в залог под проценты и т.д.), проводя ее при этом (особенно в границах манориальной юрисдикции – в случае если речь шла не о фригольде, а о “несвободной” земле), конечно же, через руки вышестоящего лорда. Вдова также имела право передавать недвижимость по наследству, защищать имущественные интересы наследников до их женитьбы (замужества), управляя хозяйством от собственного имени, в том числе и в интересах детей. Складывается впечатление, что наибольшей полнотой прав в этом смысле, как это подчас ни казалось бы странным, пользовались жены вилланов, а не свободных держателей. Так, вдовы вилланов и копигольдеров, помимо реализации всех упомянутых выше прав, связанных со свободой распоряжения недвижимостью после смерти кормильца, вступая в держание согласно классической процедуре сдачи и допуска в курии, могли не платить вступного файла и гериота лорду; в копии манориального протокола при этом указывалось имя вдовы, а не наследника. Данное обстоятельство было очень важным в реальной жизни манора, ибо оно провозглашало *вдову* дееспособным лицом в глазах манориальной администрации и давало ей возможность реального хозяйствования на земле¹²⁸; оно также подчеркивало преемственность держания, которое не “прерывалось” после смерти кормильца. Важным моментом, объясняющим относительную свободу крестьянок в реализации ими “вдовьего права” (в том числе свободу производимых ими земельных “передвижек”), по-видимому, являлось то обстоятельство, что они, в отличие от женщин, принадлежавших к более высоким слоям общества, наряду с

¹²⁸ См.: Raftis J.A. *Tenure and Mobility: Studies in the Social History of Medieval Village*. Toronto, 1964. P. 36-42.

мужчинами (мужьями, отцами) хозяйствовали на земле, то есть наравне с ними были заняты в сельскохозяйственном труде.

Если при совместном проживании приданое жены не было отчуждено, либо после смерти мужа оставалась, помимо его “наследственного земельного фонда”, еще какая-то недвижимость (приобретенная, например, на правах “покупки при жизни” совместно мужем и женой), то вдове в качестве места проживания выделялась, согласно завещанию супруга, как правило, именно эта “другая” (а не наследственная – “fee-simple”) земля – с перспективой выделения основной, то есть наследственной, усадьбы старшему сыну либо другому наследнику. В таких случаях реализация “права вдовы” с проживанием не на наследственной земле покойного мужа, а на “другой” земле, приобретенной во время совместного проживания, называлось уже не “free-bench”, а “dower”, то есть представляло собой “вдовью долю” недвижимости вне основной усадьбы¹²⁹. Если с вдовой проживали незамужние дочери или неженатые сыновья, то их матери выделялась, как правило, внутренняя, то есть лучшая часть дома. Если сыновья женились, то они могли жить со своими семьями вместе со своей матерью – вдовой, не нанося ей ущерба и заботясь о ней, но только в том случае, если место их совместного проживания представляло собой *единственное* жилище в усадьбе. Если же был еще один дом (дома), то, согласно обычному праву, ни женатый сын, ни замужняя дочь не могли жить с матерью-вдовой, ни даже входить в ее дом¹³⁰.

Как уже отмечалось, повторное замужество прерывало “free -bench” или “dower” вдовы. Ее вдовья доля вливалась в качестве “повторного приданого” в имущество второго мужа, который (если речь шла о вилланских держаниях) должен был, тем не менее, вносить в курии высокий фэйн за свой собственный допуск в держание вдовы¹³¹. Этот фэйн в реальной жизни

¹²⁹ Borough Customs. P. 109-125.

¹³⁰ Обычай окрестностей Экзетера; Op. cit. P. 121.

¹³¹ См.: Titiov J.Z. Some Differences between Manors and their Effects on the Condition of the Peasantry // Agr. Hist Review. X. 1962.

средневекового манора символизировал согласие лорда как на повторное замужество вдовы, так и на право ее второго мужа пользоваться ее “вдовой долей” от первого брака.. В этой связи отметим, что подчас, несмотря на достаточный объем реальных возможностей вдовы, “вдовье право” было нелегко примирить с сервильным характером вилланского либо обычного держания, что выражалось прежде всего в формально – юридическом контроле лорда и манориальной администрации над перемещением недвижимости, отчуждаемой вдовой на основе права, предоставляемого ей манориальным обычаем. После смерти мужа вдова оставалась один на один с проявлением воли лорда¹³². И хотя обычай не позволял обижать вдову даже лорду, подчас его воля была определяющей в решении имущественных споров с вдовами. Приведем в качестве примера случай из жизни вдовы Агнес Джонс из манора Пемброк (группа маноров Тоттенхем, XIV в.), передавшей без разрешения лорда, то есть без обращения в курию, два акра земли своему соседу по держанию. За этот проступок Агнес была вынуждена уплатить 1,5 шиллинга штрафа и неделю работать на домене¹³³. Но справедливости ради отметим, что подобные случаи встречаются в документах совсем нечасто. В целом все же складывается впечатление защиты “права вдовы” со стороны манориального обычая. Так, в другом случае, имевшем место в 1392 г. в группе указанных манорв, после смерти зажиточного держателя Вильяма Абсолонна, завещавшего по правилу передачи через руки лорда своей жене Джулиане 21 акр пахотной земли и 1,5 акра луга (с уплатой лорду фэйна в 1,5 фунта при вступлении в держание), лорд манора воспротивился последней воле завещателя (строго основанной, кстати, на соблюдении всех норм манориального обычая) и оставил за собой право распоряжаться указанными землями до тех пор, пока в маноре не появится держатель, который мог бы выплатить ему фэйн в 2 фунта. Однако Джулиана решила реализовать свое право вдовы: по прошествии месяца после смерти мужа, в согласии с

¹³² См.: Searle E. Women and Legitimation of Succession. L., 1980. P. 159-170.

¹³³ Tottenham Court Rolls... Vol. 2. P. 137.

обычаем данной местности, она является в манориальную курию с требованием исполнить волю усопшего и передать ей право пользования указанным участком вилланской земли. Лорд идет навстречу Джулиане и закрепляет за ней землю после выполнения женщиной необходимых формальностей: принесения присяги и выплаты фэйна в 1,5 (а не в два!) фунта. Кстати, половину этой земли вдова незамедлительно сдала в аренду своему соседу, и источники не указывают, испросила ли она на это разрешения у лорда¹³⁴.

Вообще же нередко воля лорда выражалась просто в необходимости соблюдения формальностей при передаче земли: как правило, вилланская земля должна была передаваться (в том числе и вдовой) непременно в курии через лорда как верховного собственника по формуле “to him and his” (“sibi et suis”) – то есть переходить тому лицу и его наследникам, на которое укажет передающий. Замена одного держателя другим с помощью процедуры сдачи и допуска в манориальной курии означала “ратификацию” лордом земельных передвижек внутри манора; она была вполне легальной формой внутриманориальной субинфеодации и отражала процесс реальной, практической манумиссии, то есть предоставления свободы в деле межкрестьянских переходов земельной собственности.

В некоторых регионах средневековой Англии женщина могла пользоваться правом вдовы не до второго замужества, а до тех пор, пока “она ведет себя должным образом” (“as long as she behaves properly”), то есть до тех пор, пока она не будет обвинена в совершении преступления или замечена в связи с мужчиной. Мы видим, что строгий обычай мог предъявлять высокие требования к моральному облику вдовы, побуждая ее (под угрозой лишения вдовой части наследства) хранить верность умершему.

Вдовы и дети, оставшиеся без кормильца, были объектом опеки со стороны манориальной и городской администрации: почти все обычаи

¹³⁴ Op. cit. vol. 1. P. 139.

специально подчеркивают, что в случае нанесения этим лицам или их имуществу “любого урона или ущерба”, бэйлиф или стюард манора, а также городские власти специально должны были проявить заботу о них и компенсировать им этот ущерб¹³⁵.

Отметим, что при выделении вдовьей части наследства остальная недвижимость, согласно местным обычаям, далеко не всегда переходила старшему сыну (или старшей дочери). Так, например, в окрестностях Ноттингема XIV в. по завещанию отца старшему сыну (да и то только в случае его женитьбы) переходила лишь земля, оставшаяся после выделения вдовьей части наследства, в то время как ренты доставались младшему отпрыску¹³⁶. А в окрестностях Лейстера в Центральной Англии (1255 г.) земля по обычаю переходила к младшему сыну¹³⁷; очевидно, наиболее часто в семьях с невысоким достатком – с целью материально поддержать наиболее слабых и наименее обеспеченных членов семьи и тем самым в перспективе не дать “угаснуть” всему роду. То же самое можно сказать об обычаях Севера Англии указанного периода, которые рекомендовали в качестве наследников избирать младших сыновей последней жены виллана или фригольдера, даже в случае “intestacy” (то есть отсутствия завещания)¹³⁸. Этот обычай очень интересен; он противоречит, в частности, нормам общего права по отношению к вилланской земле. Ведь в случае отсутствия завещания у копигольдера или виллана (либо отсутствия у этих категорий держателей предсмертного распоряжения на предмет проведения земли через процедуру “сдачи и допуска” в курии) вся “обычная” земля, как мы знаем, доставалась лорду, ибо только он в глазах средневекового права являлся наследником всего имущества виллана или держателя по копии.

Приоритетом в праве наследования пользовались, как правило, братья, а не их сестры. Так, например, согласно местному праву, в окрестностях

¹³⁵ Borough Customs. P. 16, 124.

¹³⁶ Op. cit. P. 131.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Ibid.

Уотерфорда начала XIV в. в случае наличия в семье только дочерей, недвижимость, согласно завещанию их отца (или матери, в случае ее вдовства), делилась поровну между ними. Если при этом в семье был еще и сын (причем не обязательно старший), то вся земля переходила к нему; правда, с условием материально поддерживать сестер до их замужества, а если такового не последует – в течение их жизни. Согласно праву Ипсвича конца XIII в., при наличии в семье двух женатых сыновей, в случае рождения у одного из них наследника мужского пола, а у второго – женского и преждевременной смерти обоих кормильцев, наследство деда после его кончины должно было доставаться внуку, а не внучке¹³⁹. Нередки были и случаи равного раздела недвижимости между наследниками независимо от их пола; однако, как правило, местные обычаи предоставляли право выбора лучшего участка земли старшему сыну. Таковы были, например, обычаи Ипсвича и Экзетера, а также их окрестностей в конце XIII - начале XIV вв.¹⁴⁰.

Согласно местному праву Нортумбрии и Йоркшира XIII – XIV вв., в случае смерти матери и повторного брака отца, дети от первого брака (независимо от пола) имели право не только на ту часть земли, которая являлась приданым их матери, но и на ту часть наследства, которая была приобретена их родителями в браке (этот обычай, как мы видим, согласуется с правом утери вдовцом “curtsey” в случае вторичной женитьбы). Если же земля была приобретена в течение второго брака, то ее и наследовали дети от этого брака, с которыми в случае смерти мужчины уходила из поместья их мать. В XV в. в обычаи этих северных территорий средневековой Англии вносится поправка о том, что передача детям от первого брака “наследственной” земли их матери (ее “marriage – portion”), либо земель, благоприобретенных в браке их родителей, допустима лишь в случае наличия завещания и в том случае, если эти земли не были заложены или проданы их отцом в течение его вдовства в связи с “крайней

¹³⁹ Ibid.

¹⁴⁰ Ibid. Exeter and Ipswich Court Rolls. P. 132-134.

необходимостью”¹⁴¹. Из содержания этой поправки мы можем сделать, как минимум, два важных вывода. Во-первых, очевидно, в реальной жизни того времени “*curtsey*” вдовца уже могло прерываться не только его повторной женитьбой, но и продажей приданного первой жены в какой-то срочной ситуации. Во-вторых, ее содержание вносит нечто новое в процедуру обычая отчуждения приданого в случае “*urgent necessity*”. Как мы видели выше, обычаи других земель Англии разрешали отчуждение “*marriage portion*” в указанном случае лишь *при жизни обоих супругов*; нередко одним мужем (с согласия или без согласия жены) или обоими супругами в суде манора.

Согласно обычаям окрестностей Ноттингема XIV в., человек, женившийся законным образом более трех раз, мог на своем смертном ложе продиктовать завещание, согласно которому его дети от первого брака наследовали три четверти имущества, нажитого в течение всей жизни своего отца (включая имущество от второго и третьего браков). В этом случае дети от второго брака наследовали три четверти остающегося имущества, а дети от третьего брака – одну четверть¹⁴². Это очень любопытный обычай, впервые встретившийся нам.

И, наконец, местные обычаи Англии XIII – XIV вв. не оставляют без внимания права бастардов, равно как и детей, рожденных до законного брака, освященного церковью (в сводах обычаев есть даже специальный термин, используемый в этих случаях: “*children by trothplight*” – дети, рожденные “по помолвке”). В то время как бастарды, согласно местным обычаям, абсолютно лишались всяких прав в деле наследования имущества, дети, рожденные “по помолвке”, нередко пользовались такими правами. Вот один из примеров, иллюстрирующих только что сказанное. В курии Уэйкфилда (1286 г.) имеется запись о том, что некий Джон, младший сын в семье крестьянина, оспаривал наследственные права Рональда, своего старшего брата, на основании того, что последний был рожден “по помолвке”, то есть до того,

¹⁴¹ Borough Customs. P. 134.

¹⁴² Op. cit. P. 135.

как брак их отца и матери был заключен в церкви. Рональд, выступавший в этом споре в качестве ответчика, в свою очередь, оспаривал права Джона, апеллируя при этом к обычаю манора, согласно которому приоритет в праве наследования недвижимости принадлежал старшему сыну, хотя бы и рожденному “by trothplight”. Судьи поддержали Рональда, ссылавшегося на реально существовавший обычай, несмотря на то, что он родился до законной женитьбы своих родителей.

Однако при работе с документами манориальной истории (описи, ренты, протоколы курий), фиксирующими практический порядок земельных передвижек внутри поместья в случае смерти держателей, складывается впечатление, что нередко правила наследования определялись даже не обычаями манора, а знанием норм повседневной жизни. Приведем в качестве примера один из таких документов – “завещание” некоего крестьянина, Уильяма Хейла из манора Добени (уже известная нам группа маноров Тоттенхем), составленное им незадолго до кончины, в 1383 г. Уильям Хейл, имевший в Добени довольно-таки престижную должность поручителя в курии, был отцом двух детей: старшей, к 80 –м гг. уже замужней, дочери Кристины и малолетнего сына Уильяма. Мать этих детей к 1383 г. умерла. Согласно обычаю данной местности, Уильям – старший должен был завещать свое имущество младшему сыну, но вместо этого он составляет, в нарушение обычая, завещание на имя любимой (beloved) дочери Кристины. Кристине и ее мужу Джону достаются два акра земли (статус которой, однако, не указан), дом, кровать, повозка, лопаты и вилы с цепями. Что же еще, помимо привязанности к дочери, могло побудить Уильяма Хейла просить (через завещание) у лорда согласия на то, чтобы обеспечить старшую дочь, хотя тем самым младший сын практически обрекался на нищенское существование (в документах нет приписки о том, что старшая сестра должна содержать брата в своей семье)? Ответ на этот вопрос можно попытаться найти в повседневной жизни манора. Дело в том, что за два года до смерти отца Кристина совершает серьезное

правонарушение, о котором мы уже упоминали выше, в разделе, посвященном “преступлениям” вилланов внутри манора: без ведома и разрешения лорда она отчуждает часть участка своего мужа и амбар соседу Джону Боттервику (о причинах, побудивших ее сделать это, мы можем только догадываться). Рассерженный лорд сурово наказывает Кристину (как именно – также описано выше).

Вот, очевидно, с лишением Кристины имущества и было связано предсмертное желание ее отца упрочить материальное положение дочери и ее семьи. Уходя в небытие, Уильям думал о жизни. Прекрасно зная ее реалии и представляя себе, что ожидало бы дочь и внуков без его поддержки, он и составляет свое завещание, даже жертвуя интересами младшего сына и действуя вопреки сложившемуся обычаю. Кстати, наследство не пошло на пользу Кристине. Она не оправдала возложенных на нее надежд отца и, вновь проявив непослушание, как-то ночью залезла на сеновал лорда, похитив оттуда сено, за что и была вынуждена заплатить штраф в два с половиной шиллинга. И вот что интересно: через пару лет, оставив первого мужа на земле, унаследованной от отца, она благополучно вышла замуж за фригольдера Роджера Меркейта. Хотя остается неясным, как ей это удалось – ведь все брачные дела внутри манора находились в ведении лорда, для которого Кристина была “мятежным элементом” в поместье. Возможно, роль сыграло свободное состояние нового мужа Кристины, а еще вероятнее – приличная денежная сумма, которая была уплачена лорду Меркейтом, что и зафиксировано в протоколе курии.

Посмотрим, далее, в чем заключалась специфика обычаев, регулирующих наследование движимого имущества.

Во время совместной семейной жизни (до смерти мужа), согласно обычаям Англии, личным имуществом женщины считалась ее одежда, постельные принадлежности и украшения. После смерти супруга вдова имела право на треть движимого имущества, оставшегося после “отбора” лучших вещей законным наследником (о чем речь пойдет ниже), уплаты

долгов мужа и расходов на его похороны. Остальное шло на нужды церкви, включая ее издержки на помин души усопшего. Отметим здесь, кстати, что церковь выступала за *право вдовы* наследовать и завещать движимое и недвижимое имущество. Считая мужа и жену единой плотью, церковь признавала “дуализм” их душ, а, следовательно, и право на отдельные духовные завещания со всеми вытекавшими отсюда имущественными правами.

Обычно после кончины мужа вдова вносила так называемый “гериот церкви”, то есть посмертный платеж местному священнику на помин души. Это правило, кстати, наиболее регулярно соблюдалось, как отмечено в наших сводах обычаев, в северных графствах средневековой Англии. Как правило, в качестве гериота церкви, как и в случае посмертных платежей лорду, запрашивалось лучшее животное: лошадь, бык, корова или теленок. Принимались также овцы и ягнята. Обычай выплачивать гериот церкви имел и специальные названия: “corpse-present”, “mortary”, “holy kirk”. Если “гражданский” гериот выплачивался лорду в качестве подтверждения факта его опеки крестьянского хозяйства при жизни держателя, то духовенство претендовало на “церковный” посмертный платеж как на оплату своих усилий, связанных с хлопотами по упокоению души умершего¹⁴³. Если в хозяйстве было, например, только одно животное, то определялась его стоимость, и в пользу церкви вносилась лишь половина определенной суммы. Другая половина откладывалась на будущее в качестве взноса на помин души вдовы в случае ее смерти. Отметим, кстати, что в случае наличия только одного животного в бедной крестьянской семье лорд манора мог иногда и не требовать у вдовы выплаты ему гериота.

Итак, вдовья доля в отношении движимого имущества составляла, повторим, его третью часть, как правило, с правом отчуждения любому лицу.

¹⁴³ См. об этом также: Three Lancashire Documents of XIV and XV centuries. Ed. by J. Harland, 1868. Vol. 74 // Custom Roll and Rental of the Manor Ashton, P. 93-116.

Однако, как указывалось выше, преимущественное право в выборе *лучшей части* движимости имели наследники, причем нередко вне зависимости от факта наличия завещания. Тень *intestacy* почти не витала над движимостью. И отец, и мать (в том случае, если она вообще имела право завещать) могли не оставлять детям завещание на нее – лучшая ее часть переходила “основному” наследнику автоматически.

В своде обычаев XIII-XIV вв. перечисляются лучшие “пожитки”, которые могли переходить наследнику: лучшее оружие отца (без фэйна), лучший скот (после выплаты герцога лорду и церкви), лучшие постельные принадлежности (пуховые перины, одеяла, подушки, простыни), лучшая скатерть, посуда, лучшие котел, лодка, весла, плуг, лопата, топор, корыто и даже – лучшая мышеловка¹⁴⁴. В Бервике XVI в. старший сын имел право наследовать лучшую дюжину серебряных ложек в том случае, если его отец имел более двух дюжин этих ложек; если же в доме была лишь дюжина таковых, наследник мог взять только одну ложку, хотя и лучшую¹⁴⁵. В обычном праве Ирландии XVI в. существовало любопытное правило раздела движимости между наследниками, если стоимость всего имущества (включая недвижимое) составляла менее 20 фунтов, с выбором лучшей доли старшим сыном. Если же имущество оценивалось на более высокую сумму, то вся движимость переходила старшему наследнику¹⁴⁶. В округе Норвича наследник мог выделить в пользование вдове (своей матери, иногда мачехе) некоторую часть причитавшихся ему лучших вещей (помимо тех, что полагались ей в качестве “вдовьей доли” движимости), но только в том случае, если она могла оставить ему денежный залог в качестве гарантии целостности этих вещей. В семьях обычных держателей Уэльса, Ирландии, а также английского графства Сассэкс даже в XVII в. все движимое имущество после смерти хозяина считалось “прикрепленным к земле”; его запрещали делить между наследниками, передавали, как правило, старшему сыну, а не

¹⁴⁴ Обычай: Leicester, 1295; Torksey, 1345; Yorkshire, 1270: Borough Customs, P. 140-141.

¹⁴⁵ Op. cit. P.143.

вдове и не отчуждали ни в какой форме. Очевидно, не только земля, но и движимое имущество считалось в этих регионах основой хозяйственной целостности вилланского (либо копигольдерского) держания¹⁴⁷.

Теперь, после того, как мы увидели, насколько пестрыми и разнообразными были нормы обычного права в отношении имущественных возможностей женщин средневековой Англии, настало время подвести некоторые итоги.

Похоже, несмотря на разнообразие норм, обычай действительно в большей степени, нежели общее право средневековой Англии, защищал вдову и даже замужнюю женщину, так как он распространял свое влияние на лиц, непосредственно участвовавших в хозяйственной деятельности, регулируя, таким образом, нормы жизни женщин низших сословий. Обычай, таким образом, не ставил вне неписаного закона хозяйственной жизнедеятельности (как практически, так и юридически) не только вдову, но и замужнюю именно на основании того, что она *работала*. Обычай не игнорировал такую женщину, не молчал по поводу ее возможностей, свидетельством чему, кстати, служит и самое наличие в своде “borough customs” многочисленных разделов, посвященных имущественным правам замужних и вдов.

Представляется, что эта важная научная проблема заслуживает того, чтобы ее изучение продолжалось, как минимум, с точки зрения трех позиций: исследования связи а) между предписаниями обычая и конкретным движением земли внутри манора или иной локальной общности, которое нередко инициировалось на основе вдовьего права; б) между предписаниями обычая по поводу наследования недвижимости и влиянием на нормы обычая и практику перераспределения земли со стороны повседневной жизни, которая иногда видоизменяла сам обычай; в) между волей лорда и обычаем, которые нередко в качестве “камня преткновения” имели “право вдовы”.

¹⁴⁶ Ibid. P. 141.

¹⁴⁷ Обычай Уэльса, Сассекса, Ирландии, 1663 г.; Op. cit. P. 144-145.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что, судя по нашим документам, в эпоху Средневековья обычай был более благосклонен к вдовам и замужним женщинам восточной части Англии – именно там более отчетливо реализовывались их наследственные права и хозяйственные возможности. Думается, что указанное обстоятельство является еще одним свидетельством в пользу положения о более интенсивном развитии элемента “свободы” именно в данном регионе страны.